

II.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

13
14

ГРАФЪ Н. М. КАМЕНСКІЙ 2-й.

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1806 — 1812 гг.

(Статья третья.)

XXIII.

Начало военныхъ дѣйствій графа Каменскаго.—Переправа черезъ Дунай.—Движеніе графа Каменскаго 1-го къ Базарджику и взятіе его.—Паденіе Силистріи.—Переправа Засса у Туртукая и взятіе его.—Паденіе Разграда.

Приготовляясь къ переходу за Дунай, графъ Каменскій назначилъ три линіи продовольственныхъ запасовъ. Первую линію составляли Яссы, Фальчи и Измаилъ; всѣ они снабжались провіантомъ и фуражемъ, доставляемыми изъ Россіи. Вторую линію составляли Бѣлградъ и Галацъ, которыя пополнялись изъ Яссъ и Фальчи, и, наконецъ, третья линія была въ Бузео, Слободзеѣ, Гирсовѣ и Букарестѣ.

Между линіями главныхъ магазиновъ устроены были склады запасовъ въ Хотинѣ, Стефанешти, Бѣльцахъ, Лапушиѣ, Капиджибѣ, Татарбунарѣ и Фокшанахъ. Подвижной магазинъ отданъ былъ въ полное вѣдѣніе и распоряженіе полковъ, обязанныхъ имѣть всегда при себѣ провіанта и фуража на 20 дней. Повозки подвижнаго магазина распредѣлены были въ слѣдующемъ числѣ ⁽⁵⁸⁾: каждая рота получила по двѣ подводы, съ четырьмя волами каждая; на эскадронъ дали по четыре подводы, на казачій полкъ по 20; на конно-артиллерійскую роту по 8, на батарейную по 6 подводъ. „Десятидневный запасъ велѣно содержать на полковомъ обозѣ, и еще десятидневный класть на роспуски лаза-

(58) Арх. военно-топографическаго депо, № 50,295.

ретныхъ повозокъ.⁴ Корпусамъ, назначеннымъ осаждать Силистрию и Журжу, и войскамъ въ Малой Валахіи, по близости ихъ къ магазинамъ, опредѣлено фуръ вполовину менѣе, нежели дѣйствующимъ войскамъ. Остальную, за раздачею полкамъ, часть фуръ назначили для перевозки провіанта и фуража изъ постоянныхъ магазиновъ къ полкамъ.

Въ такихъ приготовленіяхъ къ походу прошелъ весь мартъ и большая часть апрѣля мѣсяца. Получивъ приказаніе отъ императора Александра какъ можно скорѣе открыть военныя дѣйствія и перейти Дунай прежде его разлитія, графъ Каменскій, 23-го апрѣля, отправился самъ въ Обилешти, гдѣ былъ собранъ уже корпусъ генерала графа Ланжерона. Онъ торопился открыть военныя дѣйствія, боясь замедлить свое наступленіе далѣе конца апрѣля, такъ какъ въ это время вода въ Дунаѣ начала прибывать и тѣмъ предвѣщала скорое выступленіе рѣки изъ береговъ. Пробывъ въ Обилешти не болѣе двухъ дней, главнокомандующій думалъ отправиться оттуда въ Слободзею, гдѣ собирались войска главной арміи.

„Если провіантъ—доносилъ графъ Каменскій (⁴⁹)— который какъ туда, такъ и въ Гирсовъ со всѣхъ сторонъ везется, къ тому времени подоспѣетъ, то, не упуская времени, переправлюсь со всѣми войсками и съ помощію Божіею начну дѣйствовать. Корпусъ генераль-лейтенанта графа Ланжерона назначилъ я переправить въ Туртукаѣ вслѣдъ за корпусомъ генераль-лейтенанта Засса. Но какъ турки сдѣлали нѣкоторое укрѣпленіе на томъ пунктѣ, гдѣ мы считали переправляться, то, дабы облегчить переправу генераль-лейтенанта Засса, счелъ лучшимъ взять его съ собою. По сближеніи къ Силистріи, графъ Ланжеронъ обложить сію крѣпость; я же одной части главной арміи велю сдѣлать движеніе къ Туртукаю, дабы взять въ тылъ непріятельскія, противъ назначенной переправы, укрѣпленія, черезъ что, безъ сомнѣнія, переправа Засса весьма облегчится.“

Для удержанія переправы въ Гирсовъ укрѣпляли всѣми средствами бывшій тамъ мостъ и продолжили его плотинами. Главнокомандующій, по прибытіи своемъ въ Слободзею, нашелъ корпуса графа Каменскаго 1-го и Маркова и авангардъ Кульнева снабженными сухарями, фурами и волами. Прочіе

(⁴⁹) Военному министру Барклаю-де-Толли отъ 23-го апрѣля. Арх. военно-топографическаго депо, № 15,695.

корпуса и отряды ихъ не имѣли, что и заставило главнокомандующаго замедлить нѣсколько открытіемъ дѣйствій.

Не теряя однакожъ времени, онъ приказалъ корпусу своего брата перейти въ Сатысь-Кіюй, занять авангардомъ Карасу и весь Траяновъ валъ, что и было исполнено безъ всякаго затрудненія. Авангарду Кульнева назначено двинуться къ Гирсову, гдѣ находился корпусъ Маркова. Корпуса графа Ланжерона и Раевского, по снабженіи войскъ сухарями и волами, также получили приказаніе перейти къ Гирсову, куда намъ ренъ былъ отправиться и самъ главнокомандующій.

Въ Туртукаѣ также строился мостъ, и довольно успѣшно, такъ что дней черезъ десять и онъ могъ быть готовъ.

Свѣдѣнія о неприятелѣ, имѣвшіяся въ главной квартирѣ, были весьма благоприятны для открытія военныхъ дѣйствій. Турки не могли воспрепятствовать нашей переправѣ. Силы ихъ были въ весьма незначительномъ состояніи. Великій визирь находился въ Шумлѣ и ожидалъ прибытія довольно большаго числа войскъ Али-паши. Авангардъ его стоялъ около Туртукая, а Петливанъ-паша съ своими войсками находился въ Базардучуѣ.

Около 25-го апрѣля войска тронулись съ своихъ зимовыхъ квартиръ на сборныя мѣста. Переправа собственно началась въ маѣ. Авангардъ перешелъ за Дунай 5-го мая и сталъ на дорогѣ къ Черноводамъ. Черезъ нѣсколько дней переправились туда же корпуса графа Ланжерона, Эссена, Маркова и Раевского. На лѣвой сторонѣ Дуная остался только отрядъ генералъ-маіора Штетера, составленный изъ четырехъ баталіоновъ. Отрядъ этотъ имѣлъ назначеніе прикрывать шедшую позади его осадную артиллерию и дѣйствовать противъ Силистріи съ лѣваго берега Дуная. Для выполненія послѣдняго условія онъ долженъ былъ занять островъ, находившійся противъ Силистріи. Мая 13-го вся армія была на правой сторонѣ Дуная⁽⁶⁹⁾ и расположилась лагеремъ при Гирсовѣ. Корпусъ Левиза оставленъ былъ въ Слободзеѣ и, выступивъ оттуда 15-го числа, долженъ былъ идти велѣдъ за арміею.

Въ то самое время, когда армія приближалась къ Гирсову, графъ Каменскій 1-й пошелъ съ своимъ корпусомъ въ Карасу и послалъ три партіи легкихъ войскъ: одну въ Бехтырь-Кіюй,

⁽⁶⁹⁾ Донесеніе государю отъ 13-го мая, за № 36. Арх. военно-топографическаго депю, № 15,695.

другую черезъ Кюстенджи въ Мангалию, а третью къ Черноводамъ. Къ Черноводамъ же были отправлены и 36 судовъ. До прибытія главнокомандующаго, корпусъ брата его долженъ былъ перейти весь за Траяновъ валъ. Главная армія должна была быть у Траянова вала 17-го мая.

Генераль-лейтенантъ Зассъ придвинулся съ своимъ отрядомъ къ Ольтеницѣ и доносилъ графу Каменскому 2-му, что къ 15-му числу кончатся всѣ приготовления къ устройству моста.

„Затѣмъ могу удостовѣрить Ваше Величество — доносилъ главнокомандующій государю ⁽⁶¹⁾—что съ 18-го текущаго мѣсяца, а можетъ еще и прежде, начнутся дѣйствія вѣрренной мнѣ арміи.“ Открывая военныя дѣйствія, графъ Каменскій 2-й запретилъ частнымъ начальникамъ заключать съ турками, безъ его позволенія, такія капитуляціи, по которымъ дозволялось туркамъ свободное отступленіе съ оружіемъ въ рукахъ. Оны предлагалъ начальствующимъ лицамъ никогда не останавливаться передъ встрѣчающеюся опасностію, грозя смѣнить такого и замѣнить его другимъ. „Кто изъ начальниковъ—сказано въ приказѣ по арміи—будетъ находить невозможности, того смѣню другимъ, который будетъ имѣть средство выполнить повелѣнное.“

Главнокомандующій приказалъ, во время походныхъ движеній, не производить ни ученій, ни парадовъ, не требовать излишней чистоты амуниціи, дозволить войскамъ нести ружья какъ хотятъ, не обременяя солдата никакою излишнею тяжестію и не заставляя брать его подъ прикладъ при проѣздѣ начальника и даже тогда, когда ударятъ фельдмаршъ.

Останавливаясь на тогдашнихъ приказахъ, нельзя не замѣтить,⁹ что обозъ или, такъ сказать, придаточная часть арміи была допущена въ большихъ размѣрахъ. Графъ Каменскій 2-й разрѣшилъ, на примѣръ, корпуснымъ командирамъ, дежурному генералу, начальникамъ артиллеріи и инженеровъ и квартирмейстеру брать столько повозокъ и лошадей, сколько они пожелаютъ. Отрядные начальники могли взять три повозки, по 12 упряжныхъ и по 4 верховыхъ лошади; каждый генералъ имѣлъ право на 2 повозки, 8 упряжныхъ и 4 верховыхъ лошади; полковой командиръ двѣ повозки, штабъ-офи-

(61) Отъ 13-го мая, за № 36. Арх. военно-топографическаго депе, № 15,695.

церь одну; офицеръ одну верховую лошадь, и прѣмъ того каждый батальонъ для офицеровъ назначалось по двѣ повозки съ шестю лошадьми.

Такое большое число лошадей не могло не затруднять движенія, если вспомнить съ трудности, которыя предстояли по продовольствію, особенно въ мѣстности, которая была выбрана для театра военныхъ дѣйствій.

Переправясь у Пирсова, графъ Каменскій, отвергнувъ планъ дѣйствій князя Багратиона, сосредоточилъ все свои дѣйствія, какъ увидимъ ниже, въ треугольникъ, ограниченномъ съ одной стороны Дунаемъ, съ другой линіею, проходящею черезъ Русуку, Шумлу и Варну до берега Чернаго моря, и, наконецъ, третью сторону составлялъ морской берегъ. Князь Багратионъ, а съ нимъ и все главные начальники признавали не обходимымъ совершенно другой планъ дѣйствій.

Сущность плана прежняго главнокомандующаго заключалась въ дѣйствіи на центральный сборный пунктъ турецкихъ войскъ, сосредоточенныхъ у Шумлы. На этомъ основаніи, князь Багратионъ полагалъ главные силы направить кратчайшимъ путемъ на Шумлу, т. е., переправясь у Туртукая, атаковать верховнаго визиря тамъ, гдѣ его встрѣтятъ наши войска. При этомъ движеніи нельзя было оставить безъ всякаго вниманія крайности въ тылу и неприятельскія силы справа и слева. Въ Баарджикѣ стоялъ Пегливанъ-паша и могъ быть подрѣзъленъ войсками изъ Варны, имѣвшей прямое сообщеніе моремъ съ Константинополемъ и азіатскими владѣніями турокъ. Съ правой стороны Никополь находился въ центрѣ всей Болгаріи. Окружающіе его уѣзды были лучше другихъ обработаны и наиболее населены какъ христіанами, такъ и дурками, привыкшими къ военнымъ дѣйствіямъ. Большая часть продовольствія турецкой арміи получалась изъ уѣздовъ, расположенныхъ по сю сторону Балкановъ.

„Если всехъ тѣхъ обывателей — сказано въ мнѣніи князя Багратиона ⁽⁶²⁾ — оставить спокойными и безопасными въ ихъ уѣздахъ, то побѣгутъ они на помощь другихъ уѣздовъ атакованныхъ; но коль скоро угрожаемы и атакуемы будутъ сами, то магометане поспѣшатъ спасать свои семейства, свои имѣнія и не захотятъ идти на помощь другихъ уѣздовъ верхней и

(62) Мнѣніе, представленное при доведеніи князя Багратиона государю отъ 12-го марта 1810 года, № 231.

нижней Болгаріи. Тогда у непріятеля отнимется способъ набирать тамъ войска, а хлѣбъ и фуражъ обратятся въ пользу арміи нашей, особливо если со всею строгостію соблюдены будутъ правила дружелюбнаго обхожденія съ христіанскими обывателями и они ограждены будутъ отъ всякихъ обидъ и притѣсненій.“

На этомъ основаніи, князь Багратіонъ предполагалъ необходимымъ, одновременно съ дѣйствіемъ на Шумлу, открыть меньшими отрядами дѣйствія: однимъ со стороны Гирсова, другимъ отъ Туртукая, а третьимъ отъ Никополя. Последний отрядъ долженъ былъ переправиться черезъ Дунай въ трехъ часахъ выше Никополя, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ турки всегда опасались переправы, потому что здѣсь Дунай уже, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ. Отрядъ этотъ долженъ былъ тотчасъ же овладѣть Никополемъ, положеніе котораго не дозволяло долговременнаго сопротивленія, такъ какъ онъ не могъ получить ниоткуда помощи, за исключеніемъ только Систова, который вполне зависѣлъ отъ Бошняка-аги, непримиримаго врага аяна никопольскаго. Можно было быть увѣреннымъ, что ни Бошнякъ-ага не захочетъ послать ему помощи, ни аянь не захочетъ принять ея. Взятіе Никополя заставило бы сдаться и Турно. Отсюда отрядъ этотъ долженъ былъ идти на Плевну, Ловцу, Рахову и Берковцу, гдѣ онъ соединялся съ отрядомъ генерала Исаева, стоявшаго на рѣкѣ Тимокъ. Къ тому же, Исаеву предписано было дѣлать поиски по большой константинопольской дорогѣ, слѣдовательно въ сторону соединенія отрядовъ.

Отрядъ войскъ, назначенный къ переправѣ у Туртукая, долженъ былъ взять Туртукаю и потомъ двинуться къ Разграду. Съ занятіемъ этого пункта пресѣкалось всякое сообщеніе между Шумлою и Руцукомъ до такой степени, что руцукскій гарнизонъ не въ состояніи былъ получить помощи ни изъ Шумлы, ни изъ-за Балканскихъ горъ.

По взятіи Разграда, главный корпусъ арміи долженъ былъ оставаться въ этомъ городѣ до тѣхъ поръ, пока отрядъ, назначенный для дѣйствія противъ Никополя, успѣетъ маскировать Руцукъ и открыть сообщеніе съ Разградомъ. Тогда только можно было начать движеніе къ Шумлѣ, потому что, въ противномъ случаѣ, войска подвергались опасности быть атакованными съ тылу гарнизономъ, вышедшимъ изъ Руцука.

Отрядъ, переградившійся у Гирсова, долженъ былъ поддерживать Силистрию и употреблять новъ способъ какъ употреблено въ связи съ главными силами армии, какъ только эта послѣдняя займетъ Разградъ. До того времени сообщеніе съ лѣвнымъ флангомъ могло быть лишь по лѣвому берегу Дуная. Наконецъ, послѣдній отрядъ назначался для дѣйствія со стороны Варны и Базарджика и имѣлъ единственною цѣлю наблюдать и, если возможно, не допускать никакихъ движеній малыхъ отрядовъ непріятельскихъ войскъ. Отряду этому приказано было дѣйствовать наступательно только тогда, когда „обстоятельства представлятъ вѣрныя и несомнѣнныя выгоды“.

Конечно, весьма легко могло случиться, что турки, узнавъ о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, старались бы сосредоточить свои силы въ Базарджикъ или въ Шумлу. Такое сосредоточеніе однакожь могло быть чрезвычайно затруднительно. Если бы, напримѣръ, турецкія войска изъ Базарджика могли идти въ Шумлу, то они могли быть атакованы, при весьма невыгодныхъ для себя условіяхъ, гирсовскимъ отрядомъ; если же, напротивъ того, самъ верховный визирь вздумалъ бы идти въ Базарджикъ изъ Шумлы, то онъ подвергся бы еще худшему, понавъ между двухъ огней: съ одной стороны онъ подвергся бы атакѣ главныхъ силъ, а съ другой гирсовскаго отряда.

„Когда войска предпримуть переправу черезъ Дунай — писалъ князь Багратионъ ⁽⁶³⁾ — то въ то же время корпусъ въ большой Валахія остающійся, долженъ стараться овладѣть Слободзеею и потомъ сколько можно тѣснѣе блокировать крѣпость; на каковой конецъ и нужна осадная артиллерія. Такиимъ образомъ совершенно ограждена будетъ большая Валахія отъ всякаго непріятельскаго вторженія и надѣяться можно, что, при исполненіи плана и угрозахъ, дѣлаемыхъ самому Русуку, и при искусной блокадѣ крѣпости Журжи, крѣпость сія сдастся.“

Вотъ главные основанія предположеній князя Багратиона, на которыхъ онъ основывалъ открытіе военныхъ дѣйствій съ турками весною 1810 года. Онъ боялся только одного, чтобы турки не вошли въ озеро или, лучше сказать, заливъ Ронзальмъ и не сдѣлали бы высадки.

Для предупрежденія этого, князь Багратионъ полагалъ необходимымъ, въ обезпеченіе совершенно открытаго нашего лѣ-

(63) Арх. военно-топографическаго депо, № 15,695.

ваго фланга, двинуть черноморскій флотъ въ Черное море; занять двумя фрегатами и нѣсколькими мелкими судами северо-Востокъ, а съ остальными судами крейсировать у турецкихъ береговъ, „воспретя строжайше проходъ всѣмъ вообще турецкимъ судамъ изъ Константинополя въ Варну и другія провинціи“.

Такимъ образомъ, одновременное нападеніе на непріятеля съ центра и съ обоихъ фланговъ должно было непременно распространить тревогу, страхъ и беспорядокъ между турками. Они не въ состояніи были бы, при такомъ одновременномъ наступленіи, подавать другъ другу помощь и тѣмъ самымъ давали большіе надежды на успѣхъ. Мнѣніе князя Багратиона согласовалось со всѣми почти мнѣніями корпусныхъ и дивизионныхъ начальниковъ. Въ единодушно призывали такой способъ дѣйствія необходимымъ и единственнымъ для успѣха. Новый главнокомандующій, графъ Каменскій, не раздѣляя этого плана и открылъ свои дѣйствія на совершенно другія начала.

Мая 14-го, армія двинулась изъ Гирсова къ Карасу. Здѣсь она соединилась съ войсками графа Каменскаго 1-го, отряды котораго заняли между тѣмъ Черноводы и Мангалию. Оставивъ довольно значительный отрядъ въ Мангалии, подъ начальствомъ генераль-адъютанта князя Долгорукова 5-го, чтобы прочіе утвердился въ этомъ пунктѣ, графъ Каменскій приказалъ князю Долгорукову послать партіи, для открытія непріятеля, какъ можно далѣе къ сторонѣ Коварнѣ; авангардъ же свой, подъ начальствомъ генераль-маіора Воинова, отправилъ въ Мехметъ-Кію.

Князь Долгорукій отправилъ 13-го мая партію (64) подъ начальствомъ генераль-маіора Ансельма и приказалъ ему подойти какъ можно ближе къ Коварнѣ, дабы открыть съ той стороны непріятельскія силы. Неподалеку отъ крѣпости, Ансельмъ встрѣтилъ непріятельскую толпу въ 600 человекъ; атаковалъ ее, прогналъ въ городъ и самъ возвратился въ Мангалию. Извѣстіе о разбитіи этой шайки встревожило сераскира Пегливана-папу, находившагося въ Базарджикѣ. Боясь появленія нашихъ войскъ, Пегливанъ лично, съ 2,000 человекъ кавалеріи, подошелъ 15-го мая къ Мангалии и пону-

(64) Изъ четырехъ эскадроновъ гусаровъ и нѣсколькихъ казаковъ. Донесеніе главнокомандующаго государю отъ 18-го мая, за № 38.

пался завладѣть тащоннымъ мѣстомъ. Встрѣченный въстрѣчными нѣсколькихъ орудій, конной артиллеріи и ружейнымъ огнемъ роты егерей, Пегливанъ отступилъ. Между тѣмъ графъ Каменскій 1-й, получивъ известіе о движеніи Пегливана, приказалъ Воинову выступить изъ Мехметъ-Кіой и поспѣшить къ Сулеймандеку; съ цѣлю отрѣзать Пегливану путь въ Базарджикъ. Пегливанъ своимъ отступленіемъ предупредилъ Воинова, который нашелъ его въ Сулеймандекѣ имѣющимъ, сверхъ 2,000 кавалеріи, 1,500 пѣхоты, съ шестью орудіями. Оставивъ, за скоростно движенья, всю свою пѣхоту назадъ, Воиновъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не болѣе 1,000 кавалеріи и потому не рѣшился атаковать Пегливана, въ полномъ порядкѣ отступившаго въ Базарджикъ. Воиновъ возвратился въ Бектырь-Кіой, куда перешелъ 18-го мая и весь отрядъ графа Каменскаго 1-го и аванпостный отрядъ, подъ начальствомъ Кульнева, перешелъ въ этотъ же день въ Кузгунъ, куда двигался и авангардъ ермиинъ, подъ начальствомъ Уварова. Генераль-лейтенантъ Раевскій съ своимъ корпусомъ перешелъ въ Арабаджи. Въ Барасу остались, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, корпуса графа Шандермана, Эссена 3-го, Маркова и Левиза. Мая 19-го главнокомандующій самъ отправился въ Кузгунъ. По показанію пѣхотныхъ, свѣдѣнь нашихъ отрядами, Пегливанъ укрѣплялъ Базарджикъ и ядалъ съ часу на часъ подкрѣпленій изъ Шумы. Не ждая дальшаго времени утвердиться на лѣвомъ нашемъ крылѣ, графъ Каменскій приказалъ брату своему овладѣть Базарджикомъ и, для вѣрнѣйшаго успѣха дѣйствій, присоединилъ къ нему корпусъ Маркова. Давая предписаніе брату, главнокомандующій между прочимъ упоминалъ: „вытѣснить непріятеля изъ Базарджика не позже 21-го числа сего (мая) мѣсяца“.

Мая 18-го отрядъ графа Каменскаго выступилъ изъ Барасу, 20-го числа прошелъ Бектырь-Кіой до селенія Мусабей, гдѣ соединился съ отрядомъ князя Долгорукаго и корпусомъ Маркова. Весь свой отрядъ графъ Каменскій 1-й раздѣлилъ на три колонны и авангардъ, командовать которыми назначенъ былъ Воиновъ. Авангардъ составленъ былъ изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, одного полка кавалеріи, четырехъ казанскихъ полковъ и четырехъ орудій конной артиллеріи. Первая или правая колонна, подъ начальствомъ князя Долгорукаго, состояла изъ восьми баталіоновъ пѣхоты, по одному баталіону (?) гусаровъ

и улановъ и восьми орудій конной артиллеріи. Средняя колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Цызарева, состояла изъ десяти баталіоновъ пѣхоты, баталіона улановъ, одного драгунскаго полка и роты батарейной артиллеріи Аксио. При этой колоннѣ находился и самъ графъ Каменскій 1-й. Левая колонна поступила подъ начальство Маркова и состояла изъ восьми баталіоновъ пѣхоты, баталіона гусаровъ, одного драгунскаго полка и одной конно-артиллерійской роты Кривцова. ⁽⁶⁵⁾

Для боковыхъ патрулей и обезпеченія корпуса съ тыла назначенъ былъ въ арьергардъ одинъ казачій полкъ. Весь вагенбургъ оставленъ въ Бехтырь-Кіюфъ. Войскамъ не приказано было брать никакихъ новозокъ, за исключеніемъ одной лазаретной фуры на баталіонъ, для перевозки раненыхъ, одной провіантской фуры и половиннаго числа патронныхъ ящиковъ.

По данному сигналу, всё войско тронулось съ мѣста. Во время всего перехода, не болѣе 18 или 20 верстъ, непріятеля замѣчено нигдѣ не было. Отрядъ благополучно и безъ всякаго сопротивленія прошелъ всё дефиле, лѣса и гористыя мѣста. Выйдя на равнину, графъ Каменскій расположилъ войска по возможности въ скрытныхъ мѣстахъ на столько, что турки не могли сразу опредѣлить числа нашего войска, и въ то же время приказалъ Воинову, приблизясь къ городу и взойдя на крутой курганъ, лежавшій неподалеку отъ дороги въ Мангалію, въ двухъ верстахъ отъ города, ударить на передовые турецкіе посты. Воинову же приказано было захватить „языка“, т. е. стараться взять въ плѣнъ кого-нибудь изъ базарджикскаго гарнизона, для полученія отъ него необходимыхъ свѣдѣній. Снявъ весь турецкій пикетъ, находившійся на курганѣ, Воиновъ своимъ появленіемъ встревожилъ гарнизонъ. Узнавъ о приближеніи русскихъ, Пегливанъ выслалъ навстрѣчу тысячу до трехъ кавалеріи, которая и открыла перестрѣлку съ нашими казаками. Между тѣмъ къ Базарджикъ подходила пѣхота авангарда и останавливаясь въ весьма близкомъ отъ него разстояніи, расположилась въ одно общее каре.

Пегливанъ-наша выѣхалъ самъ, съ своими лучшими наѣздниками, для обозрѣнія нашего авангарда. Стародубовскій драгунскій полкъ бросился въ атаку, врубился въ середину турецкой кавалеріи и, несмотря на жестокую канонаду укрѣпился

(65) Рапортъ графа Каменскаго 1-го главнокомандующему отъ 27-го мая, № 39.

ній, прогнавъ ее обратно въ городъ съ страшною потерей для Пегливан-паши.⁽⁶⁶⁾

Вскорѣ послѣ этой схватки приблизились къ авангарду и остальные два отряда: Маркова и Цызарева. Осмотрѣвъ Базарджикъ и узнавъ, что онъ укрѣпленъ землянымъ валомъ, рвомъ и четырехугольными башнями, не имѣвшими, впрочемъ, взаимной обороны, графъ Каменскій 1-й рѣшился атаковать его на слѣдующій день. „А какъ обыкновенно — писалъ онъ — тановые штурмы всегда начинаются по ночамъ, о чемъ и турки сами навѣстны, то я, для рѣдкости вещи, разсудилъ лучше тотъ штурмъ произвести въ самый день, въ такое время, чтобы онъ не ожидалъ вовсе настоящаго нашего наступленія, а потому и счелъ за нужное его, такъ сказать, сперва помалынь шевелить войскъ мѣсто съ мѣста, для доказанія ему, что будто дѣлается у насъ одна демонстрація атаки.“⁽⁶⁷⁾ Мѣстность и рекогносцировка заставили раздѣлить войска вмѣсто трехъ колоннъ на четыре. Всѣ войска графа Каменскаго заключались въ 14,000 человекъ пѣхоты, 4,700 кавалеріи, батареиною и двухъ конныхъ ротъ, не считая бывшихъ при этомъ полковыхъ орудій. Отрядными начальниками назначены: Марковъ, князь Долгоруковъ, Воиновъ и Цызаревъ.

„Всему сему войску — пишетъ въ донесеніи графъ Каменскій 1-й — я приказалъ обойти около Базарджика, чтобы появленіемъ вдругъ всѣхъ войскъ нашихъ навести ужасъ надъ пегливановскимъ скопищемъ, а между тѣмъ маячить ихъ, не показывая отнюдь рѣшительности нашей къ атакъ.“

Въ намѣреніи развлечь Пегливана и наиболѣе маскировать свой планъ, графъ Каменскій 1-й приказалъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ построить подвижныя батареи, противъ турецкихъ батарей, наскоро вывезенныхъ изъ Базарджика. Канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась до трехъ часовъ пополудни. Въ три часа, въ свѣтлый майскій день, при солнечномъ сіяніи, войска двинулись на штурмъ.

Отрядъ Маркова раздѣлился на двѣ части: одною командовалъ принцъ мекленбургскій Карлъ, а другою генераль-майоръ Репинскій. Мѣстоположеніе дозволяло этимъ колоннамъ приблизить сякъ рву, неподалеку отъ котораго непріятель только и могъ

⁽⁶⁶⁾ Нами взято въ плѣнъ 3 байрактара и 12 лучшихъ наездниковъ.

⁽⁶⁷⁾ Арх. военно-топографическаго депю, № 15,695, стр. 224.

открытъ картечный и ружейный огонь. Несмотря на то, что турки стрѣляли почти въ упоръ, колонны спустились въ ровъ, въ который охотниками хотя и навиданъ былъ фашиникъ, но глубина рва была такъ велика, что не дозволяла взойти на валъ. Наши солдаты възвѣли на него по ружьямъ и по трунамъ храбрыхъ защитниковъ вошли въ городъ, при чемъ колонна принца мекленбургскаго Карла захватила въ плѣнъ самаго Пегливанъ-пашу, со всею его свитою.

Отрядъ князя Долгорукова былъ встрѣченъ впереди Базарджика турецкою конницею, сдѣлавшею вылазку, но разбитою почти наголову нашею кавалеріею, которая бросилась подъ командою Авсельме, въ атаку. Шедшіе позади нашей кавалеріи два полка пѣхоты вброкинули турокъ съ вала и выломали городскія ворота, чрезъ которые тотчасъ же были посланы княземъ Долгоруковымъ два эскадрона шведскихъ драгунъ и четыре конныя орудія. Турецкая конница пыталась еще разъ отбросить насъ, но неудачно, и затѣмъ бросилась вразмыслную изъ Базарджика по дорогѣ къ Шумлѣ.

Болше всѣмъ предстояло труда Ваинолу, потому что впереди него лежала батарея, которое ему приходилось атаковать, стояли турецкія батареи. Пробѣжавъ картечные выстрѣлы, отрядъ его бросился на три батареи разомъ, овладѣлъ ими и на плечахъ бѣгущихъ турокъ ворвался въ реграннамешъ. Въ это время неаргентельская кавалерія сдѣлала вылазку между нимъ и отрядомъ Маркова; но Стародубовскій драгунскій полкъ и тутъ выручилъ оба отряда. Также храбро и съ равнымъ успѣхомъ дѣйствовалъ и отрядъ Цыгарева. Имѣя впереди интурмовыхъ полковъ саатарійскихъ гренадеръ, опираясь на штыки, онъ възвѣли на валъ, опрокинулъ турокъ и спустился въ улицы.

Ни глубокій ровъ, ни высокій вадъ базарджикскихъ укрѣпленій — доносила графъ Каменскій 1-й — защищаемыхъ отчаянною непріятельскою пѣхотою, не могли задержать стремленія побѣдоносныхъ войскъ нашихъ, кои черезъ рвы и тѣла убитыхъ стремились, такъ сказать, ушибать другъ друга лаврами. Ужасно было видѣть, какъ отчаянный непріятель защищался на улицахъ и всякій домъ былъ для него новымъ укрѣпленіемъ.

Такимъ образомъ, въ продолженіе часа и въ назначенный день, 22-го мая, наши колонны покорили Базарджикъ, въ которомъ было болше 10,000 гарнизона. Непріятель хотя и пробовалъ защищаться въ городѣ, стрѣлялъ изъ домовъ и мечетей,

заставляя насъ брать ихъ приступомъ, какъ отдѣльныя укрѣпленія, но всѣ укрѣпленія турокъ оставались тиѣтными.

„Рѣдкости“ приступа днемъ и „маяченію“ турокъ должно приписать успѣхъ штурма. Турки, въ самомъ дѣлѣ, были такъ удалены отъ мысли, что атака будетъ произведена днемъ, что смотрѣли очень спокойно на всѣ наши приготовленія и движенія. Нисколько не думая объ опасности, многіе изъ защитниковъ, вмѣстѣ того, чтобы быть на отъѣвахъ крѣпости, спокойно спали въ своихъ жилищахъ или наслаждались въ кофейныхъ домахъ. Болванъ Пелливана, конечно, препятствовалъ ему самому наблюсти за всѣмъ и была причиною пѣвна одного изъ лучшихъ турецкихъ военныхъ начальниковъ. Онъ заперся въ своемъ домѣ, зацѣплялся и долго и драбро, но не устоялъ и былъ взятъ вмѣстѣ съ двухбунчужнымъ пашею Измаиломъ. Въ плѣнъ взято 2,057 человекъ; тѣмъ же погребенныхъ въ городѣ, не считая раскиданныхъ по полямъ, насчитывали до 3,000. Сверхъ того достались намъ 68 знаменъ, поведительный жезлъ Пелливана, 17 орудій со всею принадлежностію и зарядами и много порока. Наша потеря включалась: убитыми 7 офицеровъ и 153 рядовыхъ, раными 21 офицеръ и 680 человекъ нижнихъ чиновъ. Донося о взятіи Базарджика, графъ Каменскій 1-й просилъ объ учрежденіи, въ память этого штурма, особаго креста, наподобіе очаковского; о награжденіи георгиевскими знаменами полковъ Фамагорійскаго гренадерскаго и Стародубовскаго драгунскаго, а серебряными трубами полковъ Московскаго гренадерскаго и Тамбовскаго мушкетерскаго. Онъ просилъ также Нарвскому и Днѣпровскому мушкетерскому полкамъ возвратитъ знамена, потеряныя ими въ прошлой кампаніи противъ французовъ; Новгородскому полку ходатайствовать всемилостивѣйшее прощеніе и возвращеніе офицерамъ темляковъ, а нижнимъ чинамъ тесаковъ; батарейной ротѣ Андсіо дозволеніе офицерамъ носить золотыя петлицы на мундирахъ, по примѣру роты Ермолова и князя Ливиня.

Императоръ Александръ пожаловалъ всѣмъ генераламъ и офицерамъ, участвовавшимъ въ штурмѣ Базарджика, особые на этотъ случай выбитые золотые кресты, а нижнимъ чинамъ серебряныя медали на георгиевской лентѣ. Графъ Каменскій 1-й произведенъ былъ въ полные генералы, а главнокомандующій награжденъ орденомъ св. Владимира 1-й степени, за счастливыя событія, ознаменовавшія начало похода.

Взятіе Вазарджика было весьма важно для насъ. По мнѣнію главнокомандующаго, эта побѣда должна была имѣть послѣдствіемъ то, что послѣ нея верховный визирь не могъ уже держаться въ Шумлѣ, а принужденъ отступить къ Адрианополу, и я смѣю надѣяться, что сіе происшествіе можетъ смягчить Оттоманскую Порту къ миру". (68).

Послѣ взятія Вазарджика, графъ Каменскій 2-й составилъ три отряда: князя Долгорукаго отправилъ для занятія Коварны и Балъчина, Воинову приказалъ идти къ Козлуджи и занять его, а Цызарева послалъ къ Варгѣ, для наблюденія за крѣпостію (69).

Князь Долгорукій занялъ крѣпости Бурну, Коварну и Балъчигъ. Непріятель, вышедшій незадолго передъ тѣмъ изъ Балъчика, былъ настигнутъ нашею кавалеріею, разсѣянъ и принужденъ бросить четыре пушки. Воиновъ занялъ Козлуджи, оставленный турками. Партии нашихъ войскъ, посылаемыя Воиновымъ, доходили до самой Праводы, но нигдѣ неприятели не встрѣчались, а только встрѣтили посланнаго отъ верховнаго визиря; находившагося въ Шумлѣ: онъ вжалъ съ письмами къ главнокомандующему, въ которыхъ визирь просилъ о перемиріи (70).

Во время этихъ дѣйствій, главный корпусъ, состоявшій изъ отрядовъ графа Ланжерона, Эссена, Левиза и Раевского, выступивъ, мая 18-го, въ походъ, направился черезъ Карасу и Кургунъ на Силистрію. Мая 21-го армія остановилась въ 12 верстахъ отъ Силистріи. Въ авангардъ шелъ прѣхавшій передъ тѣмъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Уваровъ, а аванпостами его командовалъ Кузьневъ. Остановясь противъ Силистріи, наша армія увидала шедшую изъ Гирсова нашу флотилію, а вправо вдали бѣлѣлся лагерь Штетера. Обозрѣвъ въ тотъ же день лично крѣпость, главнокомандующій поручилъ осаду ея графу Ланжерону, которому въ помощь назначилъ корпусъ Раевского. Графъ Ланжеронъ раздѣлилъ свои войска на шесть колоннъ. Въ семь часовъ утра, 23-го мая, отрядъ выступилъ по направленію къ Силистріи. Первая колонна шла по ровной туртукайской дорогѣ; вторая и третья шли правѣе по горамъ; четвертая по долинѣ близъ дороги изъ Шумлы; пя-

(68) Донесеніе главнокомандующаго государю отъ 23-го мая, за № 44.

(69) Всеподанный рапортъ отъ 26-го мая, за № 45.

(70) Донесеніе главнокомандующаго отъ 29-го мая, за № 49. Арх. военно-топографическаго депо, № 15,695. См. слѣдующую главу.

тая слѣдовала высотами той долины и, наконецъ, шестая берегомъ Дуная по дорогѣ изъ Рассевата. Въ полдень, колонны прибыли на назначенныя имъ мѣста. Въ садакъ и пладбицакъ, окружавшихъ городъ, засѣли турки, встрѣтившіе наши войска ружейнымъ огнемъ. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся до семи часовъ вечера и кончившаяся повсемѣстнымъ вытѣсненіемъ турокъ. Когда перестрѣлка утихла, наши колонны расположились вокругъ крѣпости: впереди стали корпуса графа Ланжерона и Раевского, за ними отряды Эссена и Левина, Уваровъ изъ авангарда перешелъ въ арьергардъ и наблюдалъ дороги къ Базарджикъ, Шумлъ и Разграду. Одинъ батальонъ пѣхоты, пять эскадроновъ гусаровъ и 60 казаковъ, подъ командою полковника Ланского, отряжены къ Туртукаю, для открытія сообщенія съ отрядомъ Засса.

Обложивъ крѣпость, главнокомандующій приказалъ начать осаду. Въ ночь заложили пять редутовъ и одну батарею въ разстояніи не болѣе 350 сажень отъ крѣпости. Работы производились съ большою поспѣшностію, но были на нѣкоторое время прерваны вылазкою гарнизона и внезапнымъ налетомъ Гассана-эфенди съ 200 спаговъ. Лихой навазникъ, онъ проскакалъ мимо аванпостовъ Уварова и ворвался въ нашъ лагерь съ тыла. Вылазка была отбита, весь храбрый конвой Гассана-эфенди положенъ на мѣть, но самъ Гассанъ, съ нѣсколькими спагами, успѣлъ укрыться въ крѣпости.

На слѣдующій день редуты были готовы. Гребная флотилія, отдѣливъ 11 барказовъ къ Туртукаю въ помощь Засеу, расположилась выше и ниже крѣпости. Отрядъ Штетера занялъ, безъ всякаго сопротивленія, островъ противъ Силистріи, устроилъ на немъ батареи, навелъ, у Калараша, понтонный мостъ и переправилъ по немъ осадную артиллерію на правый берегъ Дуная.

Съ окончаніемъ постройки и вооруженія батарей, графъ Каменскій предложилъ силистрійскому коменданту сдать крѣпость. Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, онъ приказалъ продолжать начатыя осадныя работы. Построенные редуты приняла за первую паралель и повели отъ нихъ летучія сапы, а на слѣдующій день открыли бомбардированіе, продолжавшееся до самаго вечера. Наша флотилія была почти вся повреждена. Огонь нашихъ батарей взорвалъ пороховой погребъ и разрушилъ стѣну цитадели. Ночь была употреблена на постройку

трехъ новыхъ батарей, такъ что мая 27-го подступы наши подвинулись на столько, что могли поставить въ 150 саженяхъ крѣпости батарею изъ четырехъ 24-фунтовыхъ пушекъ. Въ этотъ же день подведена была въ крѣпости и пловучая батарея изъ семи 36-фунтовыхъ орудій. Турки, видя упорство осаждающихъ, предложили вступить въ переговоры и 30-го мая подписали капитуляцію, по которой главнокомандующій разрѣшилъ гарнизону идти въ Шумлу, оставивъ въ нашемъ распоряженіи артиллерию, снаряды, знамена и казенныя суда.

„Гордость Силистріи стерта — доносилъ главнокомандующій императору Александру ⁽⁷¹⁾—и сія крѣпость, послѣ семидневной открытой траншеи, покорена побѣдоносному оружію Вашего Величества, и сего числа часть войскъ нашихъ вступила въ городъ. Кондиціи, которыя я позволилъ дать гарнизону, для него довольно выгодны.“

„Десять дней — писалъ графъ Каменскій въ другомъ донесеніи — для меня важнѣе, нежели опасенъ для меня гарнизонъ, составленный болѣею частію изъ обывателей, неумѣвшихъ за стѣнами и рвами Силистріи защищать свои дома; особенно не опасенъ онъ по ненависти между великимъ визиремъ и силистрійскимъ пашею.“

Колыванскій полкъ первый вступилъ въ Силистрію, въ которой найдено: 190 орудій, 503 бочки пороха, 563 патронныхъ ящика, 70,000 патроновъ и 40 знаменъ.

Столь же успѣсны были дѣйствія при Туртукаѣ и Разградѣ, гдѣ дѣйствовали Зассъ и Сабанцевъ.

Получивъ, 18-го мая, извѣстіе, что изъ Шумлы верховнымъ визиремъ отправлено въ Туртукаю сильное подирѣленіе, и видя лично, что въ тотъ же самый день вступили въ Туртукаю болѣе 300 человекъ непріятельской пѣхоты и кавалеріи, Зассъ назначилъ произвести переправу на разсвѣтъ 19-го мая. Послѣ рекогносцировокъ и обзрѣнія береговъ Дуная, Зассъ нашелъ, что берегъ имѣлъ всѣ выгоды для непріятеля. Такъ выше Туртукая не было вовсе переправы, по причинѣ болотистой мѣстности и многихъ притоковъ Дуная, и притомъ самую наводку моста можно было производить не иначе, какъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Внизъ отъ Туртукая, крутые берега, горы, кустарники и глубокіе рвы сами

(71) Отъ 30-го мая, за № 51. Арх. военно-топографическаго депо, дѣло № 15,695.

но себѣ доставляли естественныя укрѣпленія. Переправу назначили въ трехъ верстахъ ниже Туртукая, въ мѣстѣ болѣе другихъ удобномъ, такъ какъ здѣсь была найдена отмель шириною отъ 2 до 3 сажень, отлогій берегъ и двѣ маленькія тропинки, способствовавшія спуску.

Войска, назначенныя для переправы, поручены были генералъ-маіору князю Вяземскому и состояли изъ трехъ полковъ пѣхоты, трехъ эскадроновъ кавалеріи, 270 охотниковъ, 50 казаковъ, 30 арнаутовъ и 30 пионеровъ. Графъ Сиверсъ получилъ приказаніе устроить батареи: одну, изъ 6 орудій, противъ самаго Туртукая, а другую, изъ 8 орудій, на устьѣ рѣки Аржишъ. Батареямъ велѣно открыть огонь, какъ только непріятель замѣтитъ нашу переправу. Въ три часа пополудни, 19-го мая, войска, назначенныя для десанта, стали на парома, которые раздѣлены были на три отдѣленія, и, по сигналу, охотники, подъ начальствомъ маіора Мишо и капитана Красовскаго, отчалили отъ берега. За ними слѣдовало первое отдѣленіе, а прочія два каждое черезъ четверть часа. Тихая погода, которая передъ этимъ нѣсколько дней сряду измѣнилась въ бурную, могла способствовать успѣху.

Какъ только охотники достигли середины Дуная, на непріятельскомъ берегу поданъ былъ сигналъ тревоги. Сгруппировавшіеся противъ переправы, турки подняли страшный крикъ и встрѣтили нашихъ охотниковъ частымъ ружейнымъ огнемъ. Подъѣхавъ къ берегу безъ выстрѣла, Мишо и Красовскій бросились на непріятеля, принудили его оставить выгодное для него мѣсто и бѣглымъ шагомъ заняли ближайшія высоты, чтобы не допустить овладѣть ими бѣгунцему изъ Туртукая подрѣзненію.

За охотниками переправился 13-й егерскій полкъ. Князь Вяземскій, замѣтивъ усиленіе непріятеля, послалъ одинъ баталіонъ этого полка подъ командою маіора Ходаковскаго, который двинулся вправо, занялъ возвышенія и, открывъ огонь, заставилъ тѣмъ турокъ удалиться въ крѣпость. Вскорѣ затѣмъ остальные два отдѣленія, съ 8 орудіями, высадились на правомъ берегу Дуная. Въ 7 часовъ утра весь отрядъ Вяземскаго былъ переправленъ и расположенъ въ трехъ кареяхъ по высотамъ. Охотники стали впереди, вмѣсто аванпостовъ, почти у самаго Туртукая (72). Имѣя въ тылу себя двѣ батареи, въ селеніи

(72) Рапортъ Засса графу Каменскому отъ 25-го мая, за № 1,438.

Кусуй, князь Вяземскій послалъ туда двѣ роты пѣхоты съ 180 человекѣми драгуновъ и улановъ. Отрядъ этотъ, подходя къ батареемъ, былъ встрѣченъ 300 турецкой кавалеріи, бросившейся въ атаку, но отбитой, оставившей намъ батареи и отступившей по дорогѣ къ Разграду.

Между тѣмъ Зассъ отправилъ полковника Клодта-фонъ-Юргенсбурга, поручика Фитингофа и гвардейскаго артиллерійскаго баталіона подпоручика князя Меншикова, поручивъ имъ, подъ прикрытіемъ кавалеріи, сдѣлать рекогносцировку. Онъ полагалъ въ тотъ же день обложить Туртукай. На этомъ основаніи онъ приказалъ возвратитъ на лѣвый берегъ Дуная всѣ паромаы и переправитъ на нихъ два баталіона Вятскаго и два баталіона Выборгскаго полковъ, 8 эскадроновъ кавалеріи и 200 казаковъ.

Имѣя свѣдѣнія, отъ возвратившихся разъѣздовъ, что непріятель все еще занимаетъ окрестности Туртукай довольно сильными партіями, Зассъ приказалъ князю Вяземскому приблизиться къ Туртукаю, но держать себя въ такомъ положеніи, чтобы во всякомъ случаѣ онъ могъ прикрывать мѣсто, назначенное для переправы, на которой производилась наводка моста. Охотники отряда князя Вяземскаго подступили къ Туртукаю и залегли на полуружейномъ выстрѣлѣ отъ города.

Между тѣмъ на паромахъ переправились полки Вятскій и Выборгскій; кавалерія же, по причинѣ поднявшагося послѣ полудня сильнаго вѣтра, имѣла затрудненіе въ переправѣ, и потому 8 эскадроновъ и 200 казаковъ прибыли на мѣсто не прежде 6 часовъ вечера. Эти два переправившіеся полка, вмѣстѣ съ отрядомъ князя Вяземскаго, подступили съ двухъ сторонъ къ Туртукаю и открыли по немъ пушечный огонь. Разъѣзды пошли по дорогамъ къ Силистріи и Руцуку. Находившійся въ Туртукаѣ гарнизонъ изъ 2,000 турокъ, не видя возможности защищаться по малочисленности своей и ненадежности укрѣпленій, бѣжалъ ночью изъ города. Пѣхота турецкая сѣла на лодки и отправилась къ Руцуку, а кавалерія пошла туда же береговою дорогою, увезя съ собою 14-фунтовое орудіе. Казаки настигли однако турецкую кавалерію, которая, для облегченія и собственнаго спасенія, бросила орудіе. Князь Вяземскій занялъ Туртукай, гдѣ найдено 10 орудій и 100 четвертей сухарей. По распоряженію Засса, жители оставлены на мѣстѣ и все ихъ имущество было сохранено въ цѣлости.

Въ то время, когда Засса дѣйствовалъ у Туртукая, а графъ Каменскій 2-й у Силистріи, генераль-маіоръ Сабанѣевъ дѣйствовалъ у Разграда.

Главнѣюмандующій, узнавъ о появленіи турецкихъ разъѣздовъ на дорогѣ изъ Разграда къ Руцукъ, откуда они могли безпоявить тылъ Засса, приказалъ овладѣть Разградомъ и разогнать собравшихся тамъ турокъ. Для выполненія этой цѣли онъ назначилъ два отряда: одинъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Сабанѣева, изъ-подъ Силистріи, а другой, подъ начальствомъ генераль-маіора Сандерса, изъ Туртукая. Оба отряда должны были соединиться на походѣ и заключали въ себѣ 4,460 человекъ пѣхоты, 1,400 кавалеріи и роту батарейной артиллеріи. Соединясь съ Сандерсомъ, Сабанѣевъ, какъ старшій, принялъ начальство надъ всѣмъ отрядомъ. 1-го іюня, въ шесть часовъ утра, онъ подступилъ къ Разграду. Имѣя извѣстіе отъ перехваченныхъ обывателей и нашихъ разъѣздовъ, что тысяча человекъ кавалеріи расположены лагеремъ внизу города, за рѣкой, въ обширной лощинѣ, и что столько же кавалеріи стояло за городомъ на высотахъ, Сабанѣевъ построилъ свои войска въ полковыя каре, и, прикрывъ по угламъ фасовъ артиллерію, сталъ приближаться къ Разграду. Посланные наши разъѣзды открыли дѣйствительно непріятельскую кавалерію за рѣкою, въ лощинѣ. Атаманскому казачьему полку приказано было атаковать турецкую кавалерію, и въ случаѣ успѣха, если непріятель будетъ отступать въ городъ, то, наступая по его слѣдамъ, ворваться въ укрѣпленія. Въ подкрѣпленіе Атаманскому полку были посланы два эскадрона гусаровъ. Турки не выдержали атаки атаманцевъ: они бросились въ разсыпную большую частію по дорогѣ въ Шумлу, при чемъ нами взяты въ плѣнъ одинъ паша и молдавскій князь Калдимахи, захвачены три знамени и 16 человекъ нижнихъ чиновъ. Непріятель оставилъ весь свой лагерь и все что въ немъ находилось. Сабанѣевъ, воспользовавшись отступленіемъ турокъ, занялъ тотчасъ дорогу, ведущую въ Шумлу.

Наша пѣхота приближалась между тѣмъ къ Разграду и показала на высотахъ, окружающихъ городъ. Двѣ наши батареи, каждая въ четыре орудія, выставленныя впереди войскъ, открыли огонь и начали афилировать противолежащія имъ части вала. Турки отвѣчали также огнемъ всѣхъ орудій, находившихся въ Разградѣ, но причинили намъ или весьма мало, или вовсе не причинили вреда. Видя однако упорное сопротивленіе и

движеніе нашихъ войскъ къ самому городу, непріятель выслалъ парламентаря для переговоровъ о сдачѣ города. Они просили дозволенія взять съ собою все оружіе, имущество и выпустить гарнизонъ съ дозволеніемъ слѣдовать куда захотятъ. (73) Сабанѣевъ не согласился на эти условія. Онъ отправилъ парламентаря обратно, давъ ему свои условія, по которымъ требовалъ: во-первыхъ, чтобы всѣ находящіеся въ городѣ и вооруженные обыватели должны положить оружіе и считаться военнопленными; во-вторыхъ, всѣ магазины и артиллерійскіе снаряды поступаютъ въ наше вѣдѣніе; въ-третьихъ, военнопленные будутъ отправлены въ Туртукай. Сабанѣевъ разрѣшалъ имъ однако взять съ собою своихъ женъ и дѣтей, обѣщаясь съ своей стороны бѣднѣйшимъ оказать помощь и пособіе. Сабанѣевъ требовалъ отвѣта черезъ полчаса, грозя въ противномъ случаѣ взять городъ штурмомъ. Срокъ кончился, а отвѣта не было. Наши батареи открыли сильный огонь, наносившій большой вредъ городу. Турки выслали тогда опять парламентаря, который и сдалъ городъ.

„Весь гарнизонъ—доносилъ Сабанѣевъ—находящійся въ Разградѣ, и, во главѣ онаго, самъ трехбунчужный паша и всѣ чиновники дефилировали между нашими войсками, отдавая съ покорностію свое оружіе, свои знамена и себя въ военнопленные, коихъ количество простирается до трехъ тысячъ человѣкъ.“

Въ городѣ было до 8,000 человѣкъ жителей, большею частію вооруженныхъ.

Послѣ заключенія мира съ турками, разградскій паша былъ казненъ за безоборонную сдачу ввѣреннаго ему города.

Несмотря однако на такіе успѣхи, увѣнчавшіе начало наступательныхъ дѣйствій графа Каменскаго, наше правительство желало поспѣшить заключеніемъ мира съ турками. Поздравляя главнокомандующаго съ владимірскою лентою, военный министръ, писалъ письмо, весьма любопытное и важное въ томъ отношеніи, что оно прямо указываетъ на прозорливость нашего правительства, видѣвшаго близкій разрывъ съ Наполеономъ.

„По настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ — писалъ, между прочимъ, Барклай-де-Толли—единственно отъ скорого мира съ Турціею зависитъ благоденствіе Россіи. Все угрожаетъ опас-

(73) Донесеніе Сабанѣева къ графу Каменскому отъ 5-го іюня; за № 10.

ностію отечеству нашему. Вы теперь въ такомъ положеніи, что Государь Императоръ и всѣ соотечественники наши только отъ рѣшительныхъ дѣйствій вашихъ и быстрыхъ успѣховъ ожидаютъ цѣлости и благосостоянія Россійской Имперіи.“ (74)

„Мы видимъ въ оныхъ (т. е. распоряженіяхъ)—писалъ графъ Румянцевъ главнокомандующему, отъ 23-го іюня—благонадежное ручательство, что, при помощи Божіей, въ непродолжительномъ, можетъ быть, времени отечество будетъ вамъ обязано славнымъ миромъ съ Портою. Сія столь знаменитая услуга будетъ знаменовать новую цѣну и новый блескъ отъ тѣхъ смутныхъ обстоятельствъ въ Европѣ вообще, посреди коихъ она совершится.“

XXIV.

Переговоры.—Неуспѣшное вмѣшательство датскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ.—Его предложеніе о мирѣ.—Переписка главнокомандующаго съ браиловскимъ назыремъ.—Внутреннее состояніе Турціи.—Повсемѣстный голодъ.—Верховный визирь проситъ перемирія.—Четырехдневный срокъ, назначенный главнокомандующимъ.—Прекращеніе перемирія и возобновленіе военныхъ дѣйствій.

По приѣздѣ графа Каменскаго въ главную квартиру, онъ нашелъ тамъ посланнаго отъ браиловскаго назыря Дервиша съ письмами къ Платову и Сысоеву. Возвращая, по ихъ желанію, взятаго въ плѣнъ сотника Сысоева, назырь просилъ возвратить въ замѣнъ его турецкаго чиновника Саида-Ахмета-эфенди. Главнокомандующій отказалъ въ такомъ размѣнѣ. Въ своемъ отвѣтѣ назырю графъ Каменскій упомянулъ мимоходомъ о мирѣ, котораго Россія, при всѣхъ своихъ побѣдахъ, не перестаетъ желать. „Je desire bien vivement—писалъ онъ—qu'une prompte paix puisse faire bientôt retourner dans leurs foyers tous les prisonniers respectifs. Tels sont mes vœux. Je ne doute pas, que les votres n'y soient conformes. Il est temps de mettre fin à la division des deux Empires ci-devant alliés et qui devraient être toujours amis.“ (75)

Новое письмо назыря было отвѣтомъ на приведенныя нами слова графа Каменскаго. Высказывая также желаніе и наклон-

(74) Военный министръ къ графу Каменскому, за № 71.

(75) Отъ 21-го марта 1810 года. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ, картонъ № 74. „Я очень желаю, чтобы прочный миръ могъ возвратить въ дома всѣхъ взаимныхъ плѣнныхъ. Таковы мои желанія. Я не сомнѣваюсь, чтобы и ваши не согласовались съ ними. Пора положить конецъ враждѣ двухъ имперій, передъ тѣмъ дружественныхъ и которыя должны были бы быть всегда друзьями.“

ности правительства Порты къ миру, назыр спрашивааь, на какихъ основаніяхъ онъ можетъ быть заключенъ. (76)

Главнѣйшій отвѣчалъ, что, показывая естественное желаніе видѣть возстановленіе тишины, онъ вовсе не имѣлъ въ виду дѣлать какія бы то ни было мирныя предложенія, что императоръ Александръ не имѣетъ никакой нужды домогаться мира и, по своему положенію и могуществу, единственно изъ челоуѣколюбія желалъ бы прекратить пролітіе крови (77). Графъ Каменскій сослался на то, что Портъ давно уже извѣстны условія и требованія Россіи, что продолженіе войны должно, конечно, усилить, а не ослабить требованія російскаго двора, и что потому онъ находитъ бесполезнымъ входить въ дальнѣйшія объясненія о мирѣ. Этимъ письмомъ переговоры ограничились на нѣкоторое время.

Турецкое правительство, желавшее на словахъ приступить къ мирнымъ переговорамъ, на самомъ дѣлѣ не оказывало никакой склонности къ мирнымъ постановленіямъ. Датскій повѣренный въ дѣлахъ, принявшій на себя, безъ согласія нашего двора, хлопоты по склоненію правительства Порты къ миру, имѣлъ весьма мало успѣха.

Еще въ январѣ мѣсяцѣ, въ письмѣ своемъ къ датскому повѣренному въ дѣлахъ, графъ Румянцевъ старался высказать удивленіе въ медленности Порты къ заключенію мира съ Россією. „Я удивляюсь—писалъ онъ 11-го января—какими ложными заключеніями турки замедляютъ миръ, который императоръ всегда готовъ заключить на извѣстныхъ имъ условіяхъ.“ Нашъ канцлеръ старался объяснить, что императоръ Александръ только изъ расположенія къ Портѣ не ведетъ опустошительной войны. Графъ Румянцевъ просилъ датскаго повѣреннаго въ дѣлахъ сдѣлать внушеніе правительству Порты о скорѣйшемъ заключеніи мира съ Россією.

„Спросите—писалъ онъ—у болѣе мудрыхъ между министрами Порты: думаютъ ли они съ основаніемъ о томъ, что слѣдствіе одной только побѣды открываетъ намъ дорогу въ Константинополь, что наша армія можетъ внезапно явиться передъ этимъ городомъ и требовать отъ него большой уплаты и самыхъ большихъ пожертвованій отъ Оттоманской имперіи? Не

(76) La lettre de V. E. n'indique aucune base et la manière dont on pourrait venir à une conclusion n'a pas besoin d'être expliqué.

(77) Графъ Каменскій къ графу Румянцеву отъ 10-го апрѣля 1810 года, № 48.

думаютъ ли они, что мы пренебрежемъ тогда подобными преимуществами? Если разбирать малую дослѣдственность, съ которою они отыскиваютъ миръ, заключить который очень легко и который долженъ доставить дружбу императора Александра, то нельзя не видѣть, что въ предначертаніяхъ Провидѣнія назначено вести Порту Оттоманскую, по ея собственнымъ ошибкамъ и противъ умѣренныхъ желаній императора, къ какимъ-нибудь ужаснымъ катастрофамъ.“ (78)

По полученіи этой депеши, баронъ Гюбшъ официально заявилъ Портѣ, что онъ получилъ отъ русскаго правительства депешу, уполномочивающую его сдѣлать Портѣ весьма важное сообщеніе. Въ частномъ свиданіи своемъ съ рейсъ-эфенди, онъ замѣтилъ, что уполномоченъ со стороны Россіи сдѣлать предложеніе о мирѣ съ Портою, и выразилъ, что по этому случаю было бы весьма полезно собрать конференцію, которой онъ сообщить полученную имъ новость. Рейсъ-эфенди, казалось, раздѣлялъ желаніе заключить скорѣе миръ и тѣмъ возстановить доброе согласіе между двумя дворами.

Восемь дней прошло, пока назначили день для собранія конференціи, въ которой участвовали: Галибъ-эфенди, Еминъ-бей, Ахметъ-эфенди, первый секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, и князь Панаиотти Мурзаи, драгоманъ Порты. Датскій повѣренный въ дѣлахъ показалъ имъ депешу графа Румянцева. Конференція нашла депешу нашего канцлера неясною и, отговариваясь тѣмъ, что петербургскій кабинетъ во всѣхъ своихъ предложеніяхъ, которыя были сдѣланы прежде, не достаточно объяснилъ свои условія, просила датскаго повѣреннаго въ дѣлахъ раскрыть имъ эти условія. На замѣчаніе, сдѣланное барономъ Гюбшемъ о причинѣ, которая привела обѣ державы къ разрыву вѣскаго конгресса, члены конференціи отвѣчали, что правительству Порты хорошо извѣстны причины. Они цитировали условія, заключенныя въ Тильзитѣ, и высказывали свое неудовольствіе на то, что три параграфа, относившіяся до Турціи, не были никогда исполнены, несмотря на перемиріе, заключенное въ Слободзеѣ.

Разсматривая депешу нашего канцлера, конференція видѣла, что главнымъ условіемъ было отреченіе турокъ отъ двухъ провинцій въ пользу Россіи и безусловное будто бы подчиненіе кон-

(78) *Dépêche du Chancelier de l'Empire au Baron Hubsch, à Constantinople, 11-g o января. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ, картонъ № 21.*

тентальной системѣ, по примѣру другихъ державъ. „Leur surprise et leur mécontentement—говорить датокій новѣреннѣй (80)—se manifestèrent en voyant les propositions qu'ils trouvent si incompatibles avec l'honneur et la sûreté de l'Empire.“

Дѣло объ уступкѣ двухъ провинцій (Молдавія и Валахія), конечно, было весьма важно для Порты. Турецкіе министры смотрѣли на эту часть владѣній Порты Оттоманской какъ на средство къ жизни и продовольствію не только самой столицы, но и большей части турецкихъ владѣній. (81) Одна мысль отдѣлить провинціи отъ Порты казалась рейсъ-эфенди, министру иностранныхъ дѣлъ, величайшимъ несчастіемъ; такъ что онъ самъ никогда не могъ бы дать на это согласіе и былъ увѣренъ, что вся нація протестовала бы противъ подобной жертвы. Рейсъ-эфенди говорилъ, что правительство, сохраняющее привязанность къ своей странѣ, рѣшится скорѣе потерять все и продолжать войну, чѣмъ допустить подобное раздробленіе Оттоманской имперіи. „Онъ спорилъ съ большимъ жаромъ—нищеть баронъ Гюбшъ — и кончилъ тѣмъ, что сказалъ мнѣ: „если бы подобныя предложенія были сдѣланы мнѣ другимъ, то они не были бы вовсе выслушаны. Князь Мурузи говорилъ мнѣ, что его фамилія и онъ хорошо знаютъ намѣренія рейсъ-эфенди по этому предмету и рѣшились препятствовать всѣми своими силами къ отдѣленію двухъ провинцій.“

— Если Россія—говорилъ рейсъ-эфенди—до сихъ поръ вела съ нами войну умѣренную (*une guerre modérée*), такъ это потому только, что она должна была въ то же время вести другую. Русская армія не переставала однако дѣйствовать непріязненно противъ нашихъ войскъ, и мы не станемъ жаловаться на то, что военныя дѣйствія, въ которыхъ находятся обѣ державы, уполномочиваютъ и оправдываютъ всякое зло, ими произведенное. Если Порта не принимаетъ условій, которыя ей были сдѣланы, и смотритъ на нихъ какъ на унижительныя для себя, то потому только, что они противны ей системѣ. Его величество не скрываетъ своего уваженія къ императору Александру и желаетъ душевно видѣть добрыя отношенія возстановленными между ними.

(80) Дѣпеша къ графу Румянцеву отъ 18-го апрѣля изъ Константинополя.

(81) Son Excellence regarde cette partie des possessions Ottomanes comme une source des vivres nécessaires à la subsistance de la capitale et d'une grande partie de ses Etats.

— Порта — продолжалъ турецкій министр иностранныхъ дѣлъ — не можетъ упрекнуть себя въ томъ, что она начала войну. Она была заставлена прибѣгнуть къ оружію, когда двѣ самыя богатыя ея провинціи были завоеваны.

Рейсъ-эфенди дѣлалъ видъ, что не понимаетъ той новой системы, которую приметъ русскій дворъ относительно Турціи, въ случаѣ отказа въ его предложенія. Онъ просилъ датскаго повѣреннаго въ дѣлахъ разъяснить ему его недоразумѣнія. Баронъ Гюбшъ объявилъ, что дальѣйшее поведеніе русскаго двора выражено очень ясно въ самой депешѣ нашего канцлера.

— Жребій оружія — замѣтилъ на это рейсъ-эфенди — перемѣнивъ, и я надѣюсь, что настоящая кампанія будетъ болѣе счастлива для отоманскаго оружія, нежели предыдущая. Все населеніе имперіи призвано къ собственной своей защитѣ, и я много до-вѣряюсь справедливости божественнаго Провидѣнія. Порта имѣетъ одно желаніе — жить въ мирѣ со всѣми державами.

Параграфъ депеши графа Румянцева, въ которомъ онъ указывалъ, что собственныя ошибки Порты приведутъ къ плачевнымъ происшествіямъ, казалось, сдѣлалъ на министровъ Порты живое впечатлѣніе; однако они старались указать барону Гюбшу, съ обычнымъ высокомеріемъ и увѣренностію, что найдутъ возможнымъ отразить силу силою.

— Войска отоманскія — говорили они — не были еще до сихъ поръ разбиты, а напротивъ того они были побѣдителями въ сраженіи подъ Силистріею. Мы смотримъ на потерю нѣсколькихъ крѣпостей на Дунаѣ, которыя должны были сдать на капитуляцію, только какъ на изнуреніе войскъ отъ недостатка жизненныхъ припасовъ.

Датскій повѣренный въ дѣлахъ старался тогда обратить вниманіе конференціи на критическое положеніе, въ которомъ находилась Порта, на недостатокъ хлѣба и финансовъ, на безпорядокъ и неповиновеніе, существовавшіе въ рядахъ ихъ войскъ, всегда готовыхъ, при первомъ удобномъ случаѣ, дезертировать съ поля битвы.

Результатомъ конференціи было то, что послани спросить мнѣнія верховнаго визиря, и вопросъ о мирѣ былъ перенесенъ въ государственный совѣтъ, который назначенъ былъ по полученіи отвѣта отъ верховнаго визиря. Посланный въ Шумлу къ верховному визирю долженъ былъ привезти дан-

ныя, на которыхъ предполагалось основать окончательное рѣшеніе ровада.

Серьезная болѣзнь верховнаго вѣзира была причиною долгаго неполученія отвѣта, такъ что прошло нѣсколько недѣль безъ всякаго рѣшенія, несмотря на безпрерывныя поуживанія къ тому членовъ дивана барономъ Гюбнемъ, который, въ ожиданіи рѣшенія, обращался къ различнымъ лицамъ, имѣвшимъ прямое или косвенное вліяніе на турецкое правительство. Всѣ они, въ разговорѣ съ барономъ, казалась расположенными къ миру, высказывали желаніе къ скорѣйшему его заключенію, но на самомъ дѣлѣ не оправдали его ожиданій и не оказали того содѣйствія, котораго онъ ожидалъ отъ нихъ. Спустя мѣсяць, рейсъ-эфенди пригласилъ къ себѣ барона Гюбна, чтобы сообщить ему отвѣтъ, полученный отъ верховнаго вѣзира, а также и отвѣтъ самой Порты на сообщенія, ей сдѣланныя. Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ датскому повѣренному, что Порта, разсмотрѣвъ предложенія, имъ сдѣланныя, весьма расположена и всегда готова вступитъ въ переговоры съ нашимъ дворомъ, для заключенія мира и восстановленія мирныхъ отношеній; но что прежде необходимо положить въ основаніе цѣлость Порты Османской.

— Разъ принявши это условіе—говорилъ рейсъ-эфенди—становится яснымъ, что отдѣленіе двухъ провинцій не будетъ имѣть мѣста. Если русскій дворъ желаетъ заключить миръ на этихъ основаніяхъ, то Порта не замедлитъ назначить полномочныхъ, которымъ поручено будетъ заключить окончательный миръ. Въ противномъ случаѣ, Порта увидитъ себя принужденною прибѣгнуть къ оружію, чтобы защитить свои права, и употребитъ къ тому всѣ зависящія отъ нея средства. ⁽⁸¹⁾

— Порта искренно желаетъ — продолжалъ рейсъ-эфенди — возвращенія къ миру и высказываетъ свои желанія для того, чтобы ея предложенія служили путемъ и основаніемъ (асхемі-нешент) къ столь счастливому проишествію. Я прибавлю къ этому отвѣту тотъ, который Порта получила изъ лагеря.

Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ датскому повѣренному въ дѣлахъ отвѣтъ, заключающійся въ слѣдующее: „Отвѣтъ блистательной Порты, равно какъ и система, принятая ею, отвѣчаютъ дружбою всѣмъ тѣмъ, которые сами

(81) Дешета къ графу Румянцеву отъ 18-го апрѣля 1810 года. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ, картонъ № 21.

показываютъ ей дружбу; точно также она высказываетъ свое недружелюбіе противъ недоброжелателей. Блистательная Порта согласна на мирныя предложенія русскаго двора. Она принимаетъ ихъ однако не иначе, какъ съ условіемъ цѣлости и неприкосновенности Оттоманской имперіи. Другія условія будутъ заключены уполномоченными; какъ только они будутъ назначены.

Турецкіе министры больше всего не желали быть втянутыми въ континентальную систему. Они боялись разрывася Англіею, который, по ихъ мнѣнію, неизбежно долженъ былъ послѣдовать при заключеніи мира съ Россіею. Думая, что Россія потребуетъ непремѣнныхъ условій принятія континентальной системы, они старались опереться на правила Алкорана, гдѣ постановлялось закономъ сохранять дружбу со всѣми тѣми націями, которыя сами стараются сохранить дружбу съ Портою. Ссылаясь на законъ вѣры, они указывали на Англію какъ на страну, вѣрно и точно исполняющую и соблюдающую всѣ трактаты, заключенныя съ Портою. „Отвращеніе турокъ—говоритъ баронъ Гюбшъ, въ заключеніе своей депеши—къ согласію на распаденіе имперіи непобѣдимо, потому что они смотрятъ на обѣ провинціи какъ на оплотъ и защиту своего существованія, и притомъ; имѣя ихъ, они сохраняютъ тѣ же средства къ защитѣ, которыя имѣли до начала настоящей войны. Они неизмѣнно держатся этому принципу и не отступятъ отъ него до тѣхъ поръ, пока ихъ армія, ослабленная множествомъ побѣдъ, разрушитъ надежду и увѣренность въ томъ, что они въ состояніи завоевать обратно потеряныя провинціи.“

Старанія и весь ходъ переговоровъ, веденныхъ датскимъ повѣреннымъ въ Константинополь, были весьма неприяты для нашего двора, вовсе не уполномочивавшаго его дѣлать мирныя предложенія. Въ депешѣ нашего канцлера поручалось датскому повѣренному въ дѣлахъ сдѣлать только внушенія Портѣ о мирѣ, но не начинать формальныхъ переговоровъ о немъ. Въ тому же петербургскій кабинетъ не имѣлъ и въ виду упоминать о континентальной системѣ, которая болѣе всего смущала правительство Порты Оттоманской. Изъ всего этого можно заключить, что датскій повѣренный въ дѣлахъ не оправдалъ ожиданій и надеждъ нашего канцлера. Россія и не думала

предлагать мира; нашъ канцлеръ ни слова не упоминалъ о томъ, чтобы официально предложить его Портѣ, а просилъ только дѣлать ей внушенія и склонить къ вступленію въ переговоры; еще менѣе онъ думалъ о привлеченіи Турецкой имперіи къ континентальной системѣ, о которой въ дѣлахъ не было сказано ни слова. Баронъ Гюбшъ ведетъ это дѣло совершенно обратно. Онъ предлагаетъ онъ имени Россіи миръ, управляетъ вѣдательныхъ турецкихъ чиновниковъ въ Константинополѣ помочь ему и тѣмъ, конечно, еще болѣе увеличиваетъ свои собственныя затрудненія къ достиженію цѣли. Такое заискиваніе съ одной стороны влечетъ за собою неуступчивость съ другой. Если бы даже и была наклонность Порты къ миру, то не до такой степени, чтобы она могла рѣшиться, безъ особенныхъ обстоятельствъ, на требуемыя жертвоуношенія, а тѣмъ болѣе тогда, когда ей предлагали миръ.

Не видя другаго исхода, баронъ Гюбшъ отправилъ сына своего въ Петербургъ съ извѣстіемъ о дурномъ ходѣ переговоровъ съ диваномъ. Апрѣля 19-го молодой Гюбшъ проѣхалъ черезъ Букарестъ, видѣлся съ графомъ Каменскимъ и сообщилъ ему на словахъ о неуспѣхѣ мирной негодіиціи, его отца. Главнокомандующій убѣдился, что заключеніе мира съ Турціею весьма затруднительно и не можетъ быть достигнуто никакими переговорами. Неудача стараній датскаго повѣреннаго въ дѣлахъ какъ нельзя болѣе подтверждала это мнѣніе. Самъ баронъ, который прежде подавалъ надежду нашему двору побѣдить своими внушеніями удорство константинопольскаго двора, признавался въ послѣднемъ письмѣ къ графу Каменскому, что турки могутъ быть принуждены къ миру и къ уступкѣ намъ княжествъ Молдавіи и Валахіи только рѣшительными дѣйствіями и счастливою кампаніею съ нашей стороны. Эти извѣстія, заставшія нашу армію еще на лѣвомъ берегу Дуная, въ приговленіяхъ къ переходу, побуждали главнокомандующаго принимать всѣ мѣры къ рѣшительнымъ и доспѣшнѣйшимъ дѣйствіямъ. Хотя большая часть нашей арміи находилась почти на самомъ берегу Дуная, но, за недостаткомъ провіанта, не могла переправиться на ту сторону. Несмотря на всѣ усилія графа Каменскаго, онъ не могъ обезпечить себя провіантомъ и вообще продовольственною частію арміи на столько, чтобы быть въ состояніи открыть быстрыя и безостановочныя дѣйствія.

„Между тѣмъ всѣ войска въ сборѣ — доносили ели — (32) и могутъ въ самое короткое время устремиться на неприятеля. Надѣюсь съ помощію Божіею преодолѣть всенерѣ остающуюся трудность.“

Въ такихъ обстоятельствахъ, главнокомандующій старался пользоваться теченіемъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ, явившихся въ пользу Россіи и не въ пользу Турціи. Вступленіе Наполеона въ бракъ съ австрійскою принцессою было, по мнѣнію графа Каменскаго и государственнаго канцлера, происшествіемъ, заслуживающимъ вниманія. Черезъ посредство Манукъ-бей, старались распространить въ Турецкой имперіи, что императоръ Наполеонъ, извѣщая о своемъ выборѣ петербургскій кабинетъ, говорилъ, что онъ предпочтительно сдѣланъ имъ потому, что Россія принимаетъ большое участіе въ благоденствіи Австріи; что такое обстоятельство должно положить между тремя дворами тѣснѣйшія и прочныя связи дружества. Внушеніе Портѣ возможности соединенія трехъ дворовъ сдѣлано было Манукъ-беемъ чрезъ одного тайнаго эмисара, рейсъ-ассанди, съ которымъ Манукъ-бей имѣлъ довольно продолжительный разговоръ. Онъ старался высказать эмисару свое опасеніе, чтобы тройственный союзъ не обратился на погибель Портѣ; и потому совѣтовалъ турецкому министерству, не теряя времени, поспѣшить скорѣйшимъ заключеніемъ мира съ Россіею. Манукъ не получилъ однако отвѣта на свои внушенія.

Отправляя драгомана браиловскаго назыря, главнокомандующій писалъ, что русскій дворъ, видя равнодушіе Порты, съ которымъ она принимаетъ всѣ наши предложенія о мирѣ, рѣшился вести войну рѣшительную; что молдавская армія увеличена педеръ присоединеніемъ всѣхъ войскъ, которыя находились въ Галиціи; что сверхъ того во всѣхъ черноморскихъ портахъ наложено строгое запрещеніе на выпускъ хлѣба въ Царяградъ до тѣхъ поръ пока не будетъ заключенъ миръ; что дѣлю и самую столицу Порты предать всѣмъ бѣдствіямъ, сопряженнымъ съ недостаткомъ въ пропитаніи. Эти внушенія точно также остались безъ всякаго положительнаго отвѣта; однако послушли поводомъ къ перепискѣ.

По утру 3-го мая, прибылъ въ Слободзею, гдѣ находился графъ Каменскій, драгоманъ Дервишъ съ письмомъ отъ назыря.

(32) Отъ 30-го апрѣля 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. „Campagnes en Turquie.“

„Я получилъ письмо — писалъ браилловскій намъръ (89) — которо въ мнѣ написалъ при возвращеніи драгомана Дервиша, и поняти все содержавшееся въ немъ. Я испыталъ большое удовольствіе, видя, что ваше сіятельство, во взаимность освобожденныхъ и возвращенныхъ вамъ плѣнныхъ, приказали отыскать и возвратитъ Саида-Ахмедъ-беи, которыхъ я такъ интересуюсь.

„Предъидущее ваше письмо, заключающее въ себѣ выраженія о мирѣ, доставило мнѣ честь и возможность содѣйствовать въ столь полезномъ предметѣ для двухъ имперій и ихъ взаимныхъ интересовъ. Я сообщилъ потому генералиссимусу (верховному визирю) и сообщилъ также его отвѣтъ вашему превосходительству. Въ отвѣтъ на него вы мнѣ замѣчаете, что неприлично вовсе русскому двору первому предлагать миръ; что вашъ дворъ вовсе не дѣлаетъ такого предложенія; что основанія мира были сообщены уже прежде блистательной Портѣ и что потому вы не имѣете вовсе нужды указывать на нихъ; что продолженіе войны можетъ и должно къ нимъ прибавить еще новыя условія; что вы горячо желаете возобновленія мира, составляющаго ваши чувства и желанія и въ которомъ заключаются всѣ виды и намѣренія Его Императорскаго Величества, не имѣющаго вовсе честолюбивыхъ и завоевательныхъ видовъ.

„Этотъ отвѣтъ былъ представленъ верховному визирю; но какъ его содержаніе отличалось отъ предъидущаго вашего письма, то я ничего не могъ прибавить къ нему, за исключеніемъ того, что вашъ отвѣтъ нельзя назвать предложеніемъ предварительнаго мира...

„Основанія мира, о которыхъ я могъ узнать, были доведены до свѣдѣнія блистательной Портѣ различными путями; но они были вовсе несходны для окончанія дѣлъ: это не болѣе, какъ чрезмѣрные домогательства. Такимъ образомъ, блистательней Портѣ вовсе неизвѣстны истинныя намѣренія. Но видѣть миръ возобновленнымъ между двумя высочими имперіями, соединенными узами дружбы, миръ, доставляющій спокойствіе и взаимную безопасность, заставляющій повсюду оставать напрасное пролитіе человѣческой крови, пролитіе, столь ненужное во все времена и у всехъ народовъ, видѣть на-

(89) Traduction d'une lettre écrite au général Comte de Kamensky par le naïr d'Ibraïl en date de 30 Avril 1810 года. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ, картонъ № 74.

концы разбитно освещенный спячкой и вѣе похолодевшій вѣтеръ вѣетъ на немъ, — только эта и къ будущему и невозможны желаніе блестящей Порты. И вѣтъ какъ письма вашего сіятельства даютъ надежду и удѣряютъ въ вошь, что таковы же истинныя желанія русскаго двора, то необходимо сдѣлать известнымъ съ откровенностью и чистосердечіемъ обычное предложеніе, могущее привести къ результату.

Наконецъ, вѣроятность случайностей при продолженіи войны не можетъ исключительно относиться къ одной блестящей Портѣ. Жребій оружія неизвѣстенъ и измѣнчивъ; онъ вполнѣ завѣдуетъ отъ воли Божіей, и поэтому очевидно, что и другая воюющая сторона должна принимать въ расчетъ тѣ же самыя случайности....

Однимъ словомъ, изъ письма вашего сіятельства видно, что Его Величество не имѣетъ завоевательныхъ видовъ. Такая склонность совершенно сообразна съ желаніемъ и искательствомъ блестящей Порты; потому не остается никакого разлада ни съ той, ни съ другой стороны, и устройство дѣлъ значительно облегчается.

Послѣ всего этого желаніе удостоиться быть въ числѣ слугъ моего двора, содѣйствующихъ столь благотворному дѣлу, и съ другой стороны, желаніе возстановить связи съ моими давнишними друзьями заставляеть желать получить отъ вашего превосходительства на мое чистосердечное и искреннее сообщеніе отвѣтъ, способствующій и открывающій путь къ устройству дѣлъ.

Графъ Каменскій отвѣчалъ на письмо назыря положительно, не прибѣгая къ изворотливости и намекамъ.

„Я получилъ письмо — писалъ онъ⁽⁸⁴⁾ — которое вамъ угодно было адресовать на мое имя, и былъ очень опечаленъ (bien fâché), увидѣвъ изъ его содержанія, что, желая мира для блага мелорѣчества, мы оба значительно отдалены отъ соглашенія въ главнѣйшихъ основаніяхъ, могущихъ насъ привести къ миру.

„Чтобы отвѣчать вамъ съ тою же откровенностію и прямою, которую вы мнѣ показали въ письмѣ вашемъ, я вамъ скажу, что, имѣя полную мочь отъ Его Величества моего государя къ заключенію мира, я могу войти въ переговоры лишь на томъ основаніи, чтобы имѣть теченіе Дуная границею

(84) Copié d'une lettre Comte de Kamensky au nazir d'Ibrail en date du 3 Mai, 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

между двумя имперіями, получить данное вознагражденіе, потому что Россія, въ послѣднія времена, была вовлечена противъ своего желанія въ возныя издержки, весьма значительныя, и наконецъ напремянное дарованіе привилегій жербской ладии. Другіе пункты, которые будутъ предложены мнѣ, не составляютъ большой важности и, безъ сомнѣнія, не будутъ долго разбираемы. Потому прошу васъ сообщить верховному визирю, что такова воля моего государя и что если эти условія не могутъ быть приняты за основанія, то нѣтъ болѣе предложения къ переговорамъ.

„Я васъ прошу видѣть въ моей откровенности слово сердца, которое говоритъ съ чувствомъ уваженія къ своей храбрости и другихъ своихъ качествъ.“

На этомъ остановилась пока переписка о мирныхъ предложеніяхъ. По всему видно было, что турки не рѣшатся на какую бы то ни было уступку безъ сильнаго пораженія, тѣмъ болѣе, что самое правительство Порты было въ самомъ несчастномъ положеніи, не имѣя ни власти, ни голоса въ народѣ. Люди, стоявшіе во главѣ управленія, отличались нерѣшительностію и боязлию высказаться. Узнать мнѣніе народа, толпы или правителей дивану было чрезвычайно затруднительно. Каждый паша распоряжался по своему, какъ ему было выгодно; поступать на столько самовластно, на сколько позволяли его военныя силы; сдѣлался передъ сильнымъ и дерзостически распоряжался со слабыми. Вслѣдствіе всего этого безпорядки внутри Турціи по прежнему продолжались. Въ Адрианополь восталъ баша, по приказанію Порты, дрался съ Емвиль-агою; Бѣгиръ-Кара-Мустафа сражался съ назыремъ адрианопольскимъ, желавшимъ завладѣть его постомъ; въ Румелии междоусобная война раздѣляла правителей между собою; составилось нѣсколько отдѣльныхъ лагерей, враждебныхъ другъ другу, что заставило верховнаго визиря послать даже войска для ихъ усмиренія. Самъ верховный визирь встрѣчалъ чрезвычайно много затрудненій при собираніи войска для себя; военныя приготовленія даже въ столицѣ Порты Оттоманской шли не съ большою послѣдностію. Константинополь не былъ исключеніемъ для множества безпорядковъ, существовавшихъ внутри имперіи. Эти безпорядки увеличивали собою число отрубленныхъ головъ: по приказанію султана, былъ убитъ Мехмедъ-эфенди, состоявшій при верховномъ визирѣ.

Толоду въ степи постепенно усиливался; хлѣбъ становился чрезвычайно дорогимъ, а зерновой былъ рѣдкостью для константинопольскихъ жителей. Белый хлѣбъ покупался по 160 паръ за окъ, а обыкновенный черный стоилъ 16 паръ ⁽⁸⁵⁾ и при томъ былъ чрезвычайно дурень. Не вида другого исхода, такъ толодную смерть, народъ волновался, повсюду кричалъ и требовалъ мира, надеясь съ достиженіемъ его получить хлѣбъ изъ нашихъ портовъ ⁽⁸⁶⁾.

Въ пограничныхъ областяхъ дѣла шли такъ же, какъ и внутри имперіи. Около этого времени французы заняли позицію около Зетина и были выгнаны оттуда босняками.

Въ послѣднюю австрійско-французскую войну, генералъ Мармонъ, вступивъ въ австрійскую Кроацію и видя передъ собою значительныя силы, думалъ только о своемъ спасеніи. Онъ обратился къ травникскому пашѣ и увѣрилъ его, что австрійцы неправильно владѣютъ частию Кроаціи, уступленной съ давнихъ временъ Турціи. Мармонъ приглашалъ пашу занять, на этомъ основаніи, городъ Зетинъ турецкими войсками, что тотъ и исполнилъ. Съ заключеніемъ вѣнскаго мира и уступки Франціи этой части Кроаціи, стали требовать, чтобы турки вывели оттуда свои войска. Требованія оставались долгое время не исполненными: тогда Наполеонъ потребовалъ официальной нотой отъ дивана очищенія этой части Кроаціи. Запуганный диванъ не только послалъ приказаніе травникскому пашѣ удалиться, но и спрашивалъ его, на какомъ основаніи онъ занялъ Зетинъ безъ приказанія дивана. Паша ссылался на увѣренія Мармона и его приглашеніе. Онъ сообщил теперь начальствовавшему французскими войсками, что верховный визирь, желая поддержать доброе согласіе съ Франціею, приказалъ ему оставить часть провинціи, которая была уступлена Франціи по вѣнскому трактату ⁽⁸⁷⁾. На основаніи этого онъ приглашалъ французовъ принять въ свое вѣдѣніе провинцію, объявляя съ своей стороны, что онъ не только не будетъ препятствовать, но если бы жители отказались подчиниться имъ, то онъ про-

⁽⁸⁵⁾ Одинъ окъ равняется 3 фунт. 13 зол., а одна пара составляетъ болѣе $\frac{1}{8}$ копейки.

⁽⁸⁶⁾ La note de Biriko au comte Kamensky: 18 Avril 1810. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ, картонъ № 74.

⁽⁸⁷⁾ Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. „Campagnes-Turquie“, картонъ № 73, а также „Copie d'une dépêche du Comte Schouvaloff au Comte de Rumanzoff du $\frac{5}{20}$ Avril 1810.“

сигнатуры съ нимъ, какъ съ будущимъ императоромъ Французей по-
 лѣрили травникскому пашѣ, сдѣлавшему въ селу, и сдѣлавшему
 (дѣйствительно въ границахъ Боснии, какъ были выписаны), сдѣлав-
 шему довольно значительную потерю: и императоръ въ селу въ селу
 въ Французской императорской правительственной канцелярии,
 императору указавъ въ томъ сдѣланъ, двусмысленнымъ образомъ. Наполеонъ
 приказалъ послать туда императорскому министру. Извѣстно, что сдѣла-
 жению сдѣлано инсургенцію въ большей части Боснии и Страны
 горахъ сдѣлано приказание пашамъ и правителямъ Боснии и Ал-
 бании и вѣрноплатцамъ. Христианское население Боснии и Страны
 соединилось къ Турціи, для совокупнаго и единственнаго дѣй-
 ствія противъ французской, такъ что они принуждены были при-
 ступить къ укрѣпленію синагга Карлсбата, а впоследствии одною
 замка, лежащаго на дорогѣ изъ Далмаціи въ Триестъ (88).
 Это происшествіе до чрезвычайности раздражило Наполеона
 противъ Турціи, и хотя диванъ старался загладить его дѣломъ, но
 вырешивъ травникскому пашу въ Константинополь „съ тремя
 стами головъ“, но видѣлъ, что сближеніе Порты съ Франціею
 происходило еще на нѣкоторое время. Правительству Порты
 Османской была опасна холодность Наполеона, выходящая изъ
 него, неоднократно свое мнѣніе о раздѣлѣ Турціи. Диванъ
 боялся, теперь, чтобы Наполеонъ, въ отмщеніе за поступокъ
 травникскаго пашы, не соединился съ Австріею и Россіею, для
 совокупнаго дѣйствія противъ Порты Османской. Въ пред-
 упрежденіе этого диванъ обратился съ просьбою къ вѣнскому
 двору, вступавшему въ родственныя связи съ французскимъ
 императоромъ, принять на себя посредничество въ примиреніи
 Россіи съ Турціею. Австрійское правительство медлено отвѣ-
 тило, а диванъ, домогаясь его, твердилъ вѣнскому кабинету, что
 желаетъ какъ можно скорѣе прекратить войну съ Россіею. Ту-
 рецкое правительство было недоволено поведеніемъ Австріи (89).
 Оно высказывало даже, что сношенія съ Австріею не соответ-
 ствуютъ желаніямъ Порты, но продолжало ихъ, боясь полу-
 чить отказъ. Добрыя отношенія ея къ Австріи были важны
 потому уже, что дѣла ея съ Франціею приходили въ наиболь-
 шее замѣшательство и постепенно запутывались. Увѣряя Ав-
 стрію, что желаетъ мира, диванъ на дѣлѣ показывалъ про-
 тивное.

(88) Lettre de Comte Schouvaloff au Comte Kamensky du 8 Avril 1810.

(89) Графъ Руманцевъ къ графу Каменскому отъ 13-го апрѣля 1810 года.

и Неруд уно рабима гъ свавозможными гуоила къ вооруженію. Изъ Бѣны впереди галикъ войска въ Европейскую Турцію. Въ Константиноплѣ были собраны войска всякаго рода, и султанъ съ невѣрѣніемъ ожидалъ прибытія въ столицу знаменитаго Каліорги-паши, долженствовавшаго придти съ 15,000 человекъ, назначенныхъ для укомплектованія арміи верховнаго визиря. Большая часть войскъ, собранныхъ въ то время въ Константинополь, были артиллеристы, ежедневно обучавшіеся артиллерійской службѣ. Прибытіе Каліорги-паши не было приятно янычарамъ, видѣвшимъ въ немъ послѣдователя Мустафы-Байрактара и истиннаго протектора къ возстановленію сеймендовъ и низверженію янычаръ. Янычары предполагали даже, что гонъ конеть темеръ не установитъ новую систему образованія арміи, а только си какъ уничтоженію корпуса янычаровъ. Навѣстие это, пруденное въ ходъ въ Константинополю, приковало къ себѣ всѣ ушны. Только шептались о прибытіи Каліорги-паши. При такомъ броженіи ушвъ, пришло, 13-го марта, навѣстие отъ императора Наполеона съ австрійскою придворною канцеляріею, о чемъ онъ гонетъ австрійско-турецкую войну. Нельзя опредѣлить, — писалъ тайный корреспондентъ изъ Константинополя. (90) — какое впечатлѣніе произвело здѣсь это навѣстие. При этомъ случаѣ можно было видѣть, что здѣсь очень мало расположенія къ дружбѣ съ Россіею, и почти всѣ предполагають, надѣются и желаютъ, что этотъ брачный союзъ обратится въ неилость для Россіи. Фанальскіе греки увѣряють, что Нерта опасается себя и надѣется, что такое происшествіе будетъ для него выгодно, предполагая, что тѣсная дружба между Россіею и Франціею, о которой утверждали здѣсь до сихъ поръ, уменьшится по этой причинѣ. *Telle est l'idée publique de ce pays-ci, non pas du peuple, mais bien des diplomates.* (91)

Слѣдуя моимъ послѣднимъ письмамъ изъ Константинополя — писалъ король прусскій къ посланнику своему барону Шаадену въ С.-Петербургѣ (92) — министры Царты Оттоманской доведенные до крайности и разсерженные тѣмъ, что императоръ Наполеонъ сказалъ въ своей рѣчи законодательному корпусу, относительно будущей унасти двухъ провинцій Молдавіи и Ва-

(90) Тайный корреспондентъ изъ Константинополя отъ 27-го марта 1810 года.

(91) Тамъ же.

(92) Отъ 18-го (27-го) марта 1810 года. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ, ксерокопъ № 178.

лахія, раздраженные успѣхами русскихъ войскъ на Дунай и полагая обыкновенныя средства недостаточными для спасенія имперіи, предложили призвать къ собственной защитѣ всю націю поголовно. Султанъ долженъ объявить, что онъ готовъ самъ стать во главѣ защитниковъ, чтобы вести ихъ или противъ русскихъ, или противъ французовъ. Чтобы отвратить недостатокъ финансовъ, онъ полагаетъ тронуть сокровища мечетей, и къ обсужденію этого плана нужно отнести совѣтъ, бывшій у великаго муфти.

„Неотступное настояніе, часто повторяемое французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, чтобы Порта присоединилась къ континентальной системѣ, было принято очень вѣжливо, и предлагавшіе были очень довольны до тѣхъ поръ, пока она отвѣчала уклончиво. Турки объявили теперь, что они не закроютъ своихъ портовъ, по всему протяженію владѣній Турціи, для англичанъ, которые при закрытіи не замедлили бы ихъ тотчасъ блокировать, что подвергнуло бы столицу всеѣмъ ужасамъ голода. Однимъ словомъ, кажется, что турки теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь рѣшились остаться неизмѣнно привязанными къ англичанамъ. Адеръ уѣзжаетъ, но только по случаю отпуски изъ Константинополя, и тамъ оставляетъ вмѣсто себя Канинга, племянника министра того же имени, человѣка весьма опоспособнаго къ тому, чтобы занимать мѣсто начальника миссіи.

„Хотя англійскій посланникъ, бывшій въ Константинополѣ, говорилъ всеѣмъ, что желаетъ уѣхать изъ столицы, но эти извѣстія удержали его въ Царградѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ожидалъ прибытія изъ Смирны фрегата, долженствующаго отвезти его въ Лондонъ.“

Въ аристократическихъ кругахъ константинопольскаго населенія хотя и толковали, что бракосочетаніе Наполеона будетъ вредно для Россіи въ политическомъ отношеніи, но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Холодность турецкаго министерства къ Франціи не была ни для кого тайною. Мы видѣли, что неприязнь двухъ націй уже обнаружилась самымъ неприятнымъ дѣйствіемъ въ Востни. Послѣ этого турецкое правительство убѣждено было, что Франція не приметъ на себя никакой роли въ дѣлѣ съ Россіею, войска которой уже открыли военныя дѣйствія. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ графомъ Каменскимъ, заставляли диванъ смотрѣть на событія такъ, какъ они представлялись въ дѣйствительности. Они должны были

вызвать особенную лихорадочную дѣятельность въ турецкомъ правительствѣ. Такъ и случилось, хотя и не съ должнымъ успѣхомъ.

«Вы знаете — писалъ, между прочимъ, тайный корреспондентъ изъ Константинополя (93) — что здѣсь нельзя очень разсчитывать на точное исполненіе приказаній Порты, въ особенноти когда приказанія эти касаются военныхъ приготовленій; потому нѣтъ возможности указать положительно на точную цифру войскъ, составляющихъ армию верховнаго визиря. Несогласія и междоусобныя ссоры, которыхъ правители не могутъ въ настоящую минуту предупредить, суть главныя основанія тому, что большая часть войскъ, назначенныхъ къ верховному визирю, до сихъ поръ не прибыли еще къ его арміи.»

Въ самомъ Константинополѣ происходило открытое военное дѣйствіе между двумя враждебными партіями янычаровъ. Апрѣля 10-го они были примирены только ласками и стараніями правителей, обѣщавшихъ удовлетворить обѣ стороны. Словомъ, по отзыву корреспондента, чернь и янычары своимъ вліяніемъ составляли главное правленіе столицы и властвовали надъ нею (94).

Несмотря однакожъ на всѣ военныя приготовленія, многіе изъ жителей столицы говорили о необходимости мира и даже увѣряли, что заключеніе его послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени (95). Дѣйствительно, до свѣдѣнія нашего главнокомандующаго дошло, что браилловскій назырь намѣренъ былъ послать парламентаря для переговоровъ. Такъ какъ посылка эта была уже послѣ базарджикскаго штурма, то графъ Каменскій, согласно приказанію императора Александра, думалъ не отвергать мирныхъ переговоровъ, но, договариваясь о мирѣ, не останавливать военныхъ дѣйствій (96).

Всѣ эти обстоятельства, отдалявшія Турцію отъ Франціи и ставившія ее даже въ непріязненныя къ Франціи отношенія, не были упущены изъ вида нашимъ правительствомъ. Петербургскій кабинетъ, имѣвшій сначала въ виду, при благопріят-

(93) Extrait de la lettre du correspondant secret de Constantinople en date du 10 Avril 1810. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ, „Campagnes-Turquie“, картонъ № 74.

(94) Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ, картонъ № 74.

(95) Тайный корреспондентъ, отъ 15-го апрѣля 1810 года. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

(96) Графъ Каменскій графу Руманцеву отъ 29-го мая 1810 года, № 145.

номъ исходѣ для насъ мирныхъ переговоровъ съ Турціею, при согласіи ея на требуемыя нами уступки, гарантировать цѣлостность остальныхъ ея владѣній, перемѣнилъ теперь свое намѣреніе.

„Съ тѣхъ поръ — писалъ графъ Румянцевъ графу Каменскому — обстоятельства перемѣнились и Порта поставлена весьма близко съ разрыву съ Франціею и Австріею. По симъ уваженіямъ, Его Величество соизволяетъ, что ежели бы при предложеніяхъ о мирѣ Порты сдѣлала домогательство о нашей гарантіи, то оное отклонить совершенно. Всѣ попеченія наши хоти и должны стремиться къ тому, чтобы достигнуть скорѣй и невозможно скорѣе мира съ Портою, но мира такого, который бы не связывалъ воли нашей и котораго бы условія не могли насъ понудить противъ желанія нашего войти опять съ кѣмъ въ войну.“

Мы уже видѣли неуспѣшность внимательства датскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ вопросѣ о примиреніи Россіи съ Портою Османскою. Конечно турки желали мира съ нами, но желаніе ихъ было не на столько велико, чтобы Порта могла сама собою рѣшиться на тѣ требованія, которыя императоромъ Александромъ были положены въ основаніе при заключеніи мира. Тѣмъ не менѣе еще въ бытность главнокомандующаго въ Букарестѣ, рейсъ-эфенди послалъ къ нему грека для начатія переговоровъ. Грекъ этотъ не доѣхалъ до нашей главной квартиры: онъ былъ убитъ подъ Журжею, по приказанію рушукскаго коменданта Воснякъ-аги. Рейсъ-эфенди поручалъ этому греку войти въ переговоры съ графомъ Каменскимъ 2-мъ, черезъ посредство Манукъ-бея, по словамъ котораго отъ этого посланца можно было ожидать хорошихъ результатовъ.

Убіенство грека подало поводъ князю Мурузи написать къ Манукъ-бею письмо, въ которомъ, сожалѣя о потерѣ вѣрнаго агента рейсъ-эфенди, онъ высказывалъ какъ бы вскользь, что Порта хотя и желаетъ мира, но не думаетъ согласиться на предлагаемыя ей условія (97). Нельзя было не видѣть въ письмѣ слабость Турціи и старанія различными способами выиграть время, въ надеждѣ, что политическое положеніе европейскихъ дѣлъ перемѣнится и что Россія принуждена будетъ вступить въ войну совершенно другаго рода.

(97) Traduction d'une lettre du Prince Morouty à Manouk-Bey, 28 Avril 1810.

При възвращеніи своемъ въ Константинополь съвѣдательскаго, поименованнаго въ дѣлахъ, послѣ первой его поѣздки въ Петербургъ, бывшаго въ пашу Ремизъ-паша иномъ консуль въ пріятельствѣ своихъ и сообщая мнѣ о расположеніи русскаго двора къ миру. Черезъ посредство того же барона, Ремизъ-паша получилъ свѣдѣніе, въ которомъ друзья его уведомили, что приобщенъ въ оригиналъ было до свѣдѣнія султана, который приказалъ сказать, что русскому двору уже извѣстно, на какомъ постановленіи Порты согласится заключить миръ. Султана разсвѣдывалъ Ремизъ-паша и на будущее время сообщать то что ему заблагоразсудится. Турецкій паша предлагалъ себя въ посредники между своимъ дворомъ и нашими правительственными; но графъ Румянцевъ объявилъ такое желаніе Ремизъ-паша. Канцлеръ объявилъ ему, что до открытія послѣднихъ военныхъ дѣйствій русское правительство действительно готово было приступить къ трактованію о мирѣ, не начиная новыхъ военныхъ дѣйствій, но, видя, что Порты не хотѣла такъ пріемлемою помощіемъ воспользоваться, петербургскій кабинетъ будетъ теперь ожидать мира отъ успѣха оружія. Ремизъ-паша сознавалъ, что отвѣтъ турецкихъ министровъ не удовлетворялъ желаній нашего двора.

— Но—спрашивалъ онъ графа Румянцева—когда же какой-либо officialный отвѣтъ содержитъ въ себѣ истинный и сокровенный расположенія правительства?

Англійскій посланникъ въ Константинополь, Адеръ, минувшаго министерства иностранныхъ дѣлъ, доведъ непосредственно до свѣдѣнія императора Александра, что, получивъ свѣдѣнія объ отвѣтѣ, данномъ барону Гюбшу турецкими министрами, онъ старался уговорить Порту отнеоудсь черезъ верховнаго визиря къ графу Каменскому 2-му съ новымъ предложеніемъ и что успѣлъ въ томъ.

„Я не скрою передъ вами—писалъ графъ Румянцевъ графу Каменскому отъ 22-го мая—что изъ сего сообщенія г. Адера нельзя заключить, что новый сей отвѣтъ Порты будетъ содержать сомаіе съ нашими; онъ не думаю данъ отъ того, чтобы сей первый визирскій шагъ обнаружилъ такое расположеніе, но твердо пребываю въ томъ мнѣніи, что Порты отнюдь не желаетъ прервать начатую переговоры и что, дакъ съ одной стороны неудовлетворительный отвѣтъ, старается дру-

гола дорогою стирать средства къ вознагражденію того же самого отъѣзда. Хотя политическая наша система претитъ намъ пользоваться услугами Англии и заставляетъ думать, что сей странный шагъ Адера не столько заключаетъ желаніе его помирить насъ съ турками, какъ посорить насъ съ императоромъ Наполеономъ, не менѣе однакожъ Государь Императоръ любопытенъ знать, въ чемъ будетъ состоять предсказанный Адеромъ отъѣздъ верховнаго визиря къ вашему оительству,

Иъ желанію каждаго бы то ни было образомъ выиграть время, поступку столь обыкновенному въ политической системѣ азіатскихъ дворовъ, а отчасти и къ настояцію Адера, можно отнестись присылкою парламентаря отъ верховнаго визиря. Истребленіе турецкихъ войскъ въ Базарджикъ и движеніе нашихъ колоннъ къ разнымъ пунктамъ Булгаріи побудили верховнаго визиря прислать къ нашему главнокомандующему капиджи-башу Сулейманъ-бей съ просьбою о перемиріи. Графъ Каменскій отнѣчалъ съ тѣмъ же посланнымъ, что высочайшая воля и польза самой армии не дозволяютъ ему согласиться на перемиріе; что для переговоровъ о мирѣ перемиріе совершенно бесполезно, потому что основанія мира извѣстны уже Портѣ, и, при искреннемъ желаніи мира, ей остается только принять условія, давно ей предложенныя и отъ которыхъ Россія отступить не можетъ. При этомъ, чтобы поправить нѣсколько ошибку датскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, графъ Каменскій сообщилъ капиджи-башу, для передачи верховному визирю, краткое содержаніе главныхъ нашихъ требованій. Они заключались: 1) въ постановленіи границы въ Европѣ; 2) въ опредѣленіи границы и въ устройствѣ дѣлъ азіатскихъ; 3) въ гражданской независимости Сербіи и 4) въ уплатѣ двадцати милліоновъ піастровъ. Сообщая эти свѣдѣнія, главнокомандующій, не упоминая ничего о континентальной системѣ, далъ почувствовать о нашемъ равнодушіи къ ней, а также и къ тому, что мы не пребуемъ высылки англійскаго посольства изъ Константинополя (**). Отправляя Сулейманъ-бей и желая показать готовность и съ своей стороны къ восстановленію мира, графъ Каменскій общалъ не надеяться на армию верховнаго визиря въ теченіе четырехъ дней послѣ отъѣзда парламентаря отъ нашихъ аванпостовъ.

(**) Графъ Каменскій къ графу Руминцеву отъ 20-го іюня 1810 года, № 19.

„Вы, конечно, отдадите — писалъ греч. Комменскій 2-й гречу Румянцеву: (99) — что сян четыре дая отсрочки нужны для мене самого какъ для реновацированія мѣста подъ Шумлою, какъ и для сдѣланія распорженія корпусамъ, которые должны дѣйствовать совокупно со мною въ семъ рѣшительномъ пунктѣ.“

Главномандующій мало надѣялся на успѣхъ мирныхъ переговоровъ. Онъ былъ почти увѣренъ въ томъ, что турки, какъ ни чувствовали сами по себѣ потребность мира, могли согласиться на уступку намъ четырехъ областей своего государства и на уплаты значительной суммы денегъ только вслѣдствіе значительныхъ побѣдъ нашихъ войскъ и при очевидной опасности внутреннихъ провинцій Турціи какъ самой столицы,

„Нынѣшняя кампанія должна быть рѣшительною — писалъ главноекомандующій — если Провидѣніе благословитъ продолженіе оной, намъ благословенствъ начало и даруетъ мнѣ счастье покончить воля мудраго монарха превратить пролитыя кровопроливной крени и доставить государству выгоды, на которыхъ приобретаю право храбрца войска четырьмялѣтними трудами.“

Несмотря однако на надежды главноекомандующаго побѣдами доставить славный для Россіи миръ съ Турціею, наше правительство нехотѣло заключить его какъ можно скорѣе, какими бы то ни было средствами: побѣдами ли, или путемъ убѣжденій. Уже въ послѣдніе 1810 года наше правительство видѣло, что политическія дѣла Европы принимаютъ такой оборотъ, по которому война Россіи съ императоромъ Наполеономъ становилась неизбежною. Петербургскій кабинетъ зналъ, что вступать въ борьбу съ Наполеономъ, не окончивъ дѣлу въ Турціи, было бы весьма обременительно для Россіи, и потому употреблялъ всѣ средства къ сдѣланію турокъ къ миру. По желанію нашего кабинета, прусскій дворъ назначилъ своимъ резидентомъ въ Константинополь барона Вертера, какъ чейовѣка, лично извѣстнаго императору Александру. Онъ имѣлъ порученіе доставить намъ царскіе извѣстія въ писемъ, адресованныхъ на имя находившагося въ С.-Петербургѣ прусскаго министра барона Шладера. Прѣзжая черезъ Букарестъ, баронъ Вертеръ получилъ предложеніе отъ нашего козула Кирико, быть нашимъ секретнымъ корреспондентомъ. Не высказавъ Кирико причины своего назначенія въ Константинополь, баронъ Вертеръ согласился на пред-

(99) Отъ 2-го іюня, за № 19.

дженю; но въ условіяхъ, что известіа о происшествіяхъ будутъ писаны не имъ, а его секретаремъ, и доставляться мнѣ Кирикю въ купеческихъ пакетахъ (100). Такими образомъ, не возбуждая ничьего подозрѣнія, Россія приобрѣтала себѣ одного изъ лучшихъ агентоу въ Константинополь. Впрочемъ, надо замѣтить, что корреспонденту весьма трудно было уловить дѣйствительное состояніе какъ умовъ въ столицѣ, такъ и направленія правительства Порты. Нерѣдко и само правительство не знало того, что дѣлается внутри имперіи. По повелѣнію пашивыго князя Калимахи, султана такъ мало знавъ о состояніи своей военной силы и такъ мало понимавъ свою слабость въ этомъ отношеніи, что за несколько дней до баардана иттурма верховный визирь получилъ отъ него приказаніе идти впередъ и искать русской арміи даму на Дунаемъ. Предложеніе визиря о возможности опознанія такого грѣшбонаца онъ письмомъ находившагося у маевъ думалаву Исмаила пашы, который писалъ въ Константинополь и просилъ дождаться до свиданія султана и выслушать его, о ардотвѣтъ Россіи для проиждающаго войны и о необходимости, которую Парта имѣетъ въ марвѣ (101); все эти свиданія были невозможны даже для жителей столицы, такъ и для самого султана. Правительство не только, наприимѣръ, долгое время не знало, что французская империальная миссія въ Константинополь, каждаго поддѣльно имбаджонку ихъ приверженцевъ и партію между янычарами и стараясь поддержать между ними интригу, что султана всегда готовъ возобновить *какимъ образомъ*, это некажественно для янычарова учрежденіе, и тѣмъ, конечно, держали ихъ въ такомъ настроеніи, при которомъ они по первому сигналу погоды бывали на всякаго рода безпорядки. Вслѣдствіи правительства, узнавши о подобныхъ проискахъ, старалось системно инкапелствую и обещаній задобрить янычаровъ и тѣмъ, конечно, не упримавало, а ослабляло свою власть и могущество. Не удивительно послѣ того, что всякій говорилъ о ширѣ но никто не зналъ, отъ кого зависитъ его заключеніе. Тѣ, которые могли бы заключить его, не знали интригъ большаго числа иосудіи и стра-

(100) Графъ Румянцевъ къ графу Каменскому отъ 21-го іюня. Графъ Каменскій къ графу Румянцеву отъ 6-го іюня, № 26. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ, картонъ № № 73 и 74.

(101) Графъ Каменскій къ графу Румянцеву отъ 6-го іюня, за № 168. Письмо это было передано барону Вертеру, который и обещалъ доставить его въ Константинополь.

шились жестокаго наказанія и толпы и правительства за свою ошибку. Примѣръ съ Мустафою-Байрактаромъ былъ еще у всѣхъ въ памяти. Точно также поступалъ и верховный визирь. Онъ непрочь былъ вступить въ переговоры, зналъ условія русскаго правительства, но старался всячески продлить время, въ надеждѣ на перемѣну обстоятельствъ.

Четыре дня, назначенные графомъ Каменскимъ срокомъ для перемирія, приходили къ концу, когда въ лагерь пріѣхали чиновники отъ верховнаго визиря, объявившіе себя полномочными для трактованія о мирѣ. Главнокомандующій принялъ ихъ и поручилъ генералъ-лейтенанту Левизу войти въ переговоры по предлагаемымъ нами статьямъ. Они, конечно, не согласились на предлагаемыя условія и объявили, что и самъ верховный визирь никогда не отважится подписать такого договора ⁽¹⁰²⁾. Они просили о продолженіи перемирія для того, чтобы рѣшиться на принятіе пунктовъ, отъ Россіи предначертанныхъ, и хотѣли, чтобы мы очистили Праводы, а турки отошли къ Адрианополю. Главнокомандующій отправилъ присланныхъ обратно въ Шумлу и писалъ верховному визирю, что отиѣнить что-либо въ условіяхъ не въ его власти. Онъ послалъ ему подробныя условія, которыя предлагались Портѣ нашимъ дворомъ, и говорилъ, что отъ верховнаго визиря зависитъ прислать во всякое время полномочныхъ не для дальнѣйшихъ переговоровъ, но единственно для подписанія постановленій. Графъ Каменскій увѣдомлялъ его также, что наступилъ конецъ срока перемирія и что, не ожидая болѣе ничего, онъ откроетъ военныя дѣйствія.

Н. ДУБРОВИНЪ.

⁽¹⁰²⁾ Графъ Каменскій къ графу Румянцеву отъ 9-го іюня за № 173.